

ДРУЖОК@RU

Киноповесть-пародия

— Неужели закончилась моя собачья жизнь?! Похоже на то! Повезло мне! Спасибо бабушке-потаскухе, царство ей небесное! Тут явно без спаниеля не обошлось. Зато вот прописался в квартирке этой. Хорошая такая квартирка. Дом кирпичный. Не какой-то там блочный. Спутниковая тарелка на сто с лишним каналов. Качество HD. С кабельным не сравнить. И район престижный. Центр, Эрмитаж в шаговой доступности. А главное, конечно, хозяин! Сидит вот рядом в кресле. Блаженствует. Кофе свое потягивает. Он без кофе вообще жить не может. Никак только не пойму, чего он в нем нашел? То ли дело, скажем, овсянка или, что еще круче, остатки борща, коими меня охранники на автостоянке кормили. Но никак не кофе! Так, чего-то он сказать мне хочет. Нет, это он просто поет: «Помнишь ли ты?» Он всегда эту мать поет.

— «Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье...»

— Слышите? Голос вроде приятный, с хрипотцой такой, а вот что касается мотива, откровенно фальшивит. Слуха ноль!

— Ну-с, Дружочек мой?

— Вот это уже ко мне.

— Как чувствует себя ваше драгоценное собачье сердце? Соблаговолите-ка лапку.

— У-у-у, сейчас пульс мерить будет. Впрочем, пусть мерит. Это все-таки не клизма.

— Раз, два, три, четыре... прекрасный пульс. Что же, к сердцу вашему претензий нет! Молодец! Хороший пес!

— Похвалил, профессор, значит. А я ему в ответ поскулю «у-у-у» и хвостом повлияю. Вроде как спасибо! Вот так! Но, если честно, на сердце мы особо-то и не жаловались. Собачье сердце, оно крепкое! А вот голова, особенно после сна, дурная. И давит как-то.

— Голова, наверное, побаливает? — голос хозяина профессионально заботлив. — Но что же вы хотите, милейший? Всего две недели после операции. Придется потерпеть. Моя, кстати, тоже раскалывается. Но тут я сам виноват. Знал же, что русская лучше, так нет, изволил вчера финской принять... этак грамм шестьсот, не меньше.

— У-у-у-у, как не болеть?

— Хватит скулить. «Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье...» А ты мне, Дружище, таким больше нравишься. Честное слово, больше «остались лишь воспоминанья, все прошло, и нет любви».

— У-у-у, каким это таким? О чем он?

— Наверное, и не помнишь ничего. А, бедолага?

Алексей Сергеевич Козырев родился в 1944 году в Ленинграде, писатель, драматург, сценарист и общественный деятель, председатель Комиссии по вопросам помилования на территории Санкт-Петербурга. Член Союза российских писателей.

— У-у-у, намеки какие-то! Плюс башка вся исполосованная. Зачем, спрашивается? Да ладно, это до свадьбы заживет. А вот чего было, недурно и вспомнить.

— Вспоминай, Дружок, вспоминай. Закрывай глаза и вспоминай. Напряги свои собачачьи мозги. Если еще остались! «Помнишь ли ты?»

В отдалении глухо пробили часы. Вроде бы девять раз. Громко зажужжала муха. На секунду завывание ветра и шум метели. Затем снова муха.

— У-у-у, звуки знакомые, но нет, не вспомнить! Впрочем, глаза можно и закрыть. Не жалко. Ну и что в результате? Темнота! И опять звуки всякие: «Помнишь ли ты...», завывание ветра, шум метели, пьяные голоса: «Отдай стакан! Я тебе покажу, гнида...», обрывки телерекламы, музыка — вперемешку «Собачий вальс», Гарик Сукачев: «Трубку курит бабушка моя...» и снова «Собачий вальс». У-у-у-у. Вот что-то и из темноты появляться начало. Наплывать как-то. Мрачная подворотня, грязный бак, доверху наполненный мусором. Знакомый до боли пейзаж. Сквозь подворотню видна столь же мрачная улица со спящими по ней автомобилями. Иногда прорывается через пелену снега большой телеэкран с рекламой Газпрома. У-у-у-у-у! Как холодно! Пропал я, пропал! Никогда себе не прощу, что за этой драной кошкой погнался. Неделю потом автостоянку свою искал, но все бесполезно. Заблудился! Район незнакомый. Табличек на домах нет. Снег не убирают, а тут еще мороз под тридцать! У-у! Холод просто собачий! Помру я здесь, прямо у помойки. И всё! Но! Но! Но ведь не помер! Жив! Что-то, знать, случилось. А что? Ага! Вот началось и нечто конкретное вырисовываться. Какая-то крутая иномарка к моей подворотне подъехала. Скрип тормозов, стук открываемой двери. Из иномарки вышел мужчина в шубе и, посмотрев по сторонам, двинулся напрямик ко мне! У-у-у-у-у! Чел такой интеллигентный! В очках! Не то что эти охранники, днями и ночами лакающие паленую водку. Под телевизор! А закусывали чем? Даже до поганого «Вискаса» доходило. Вонючка потом от них! А от этого чем-то вкусным тащит и давно забытым. Что же это такое?! «Пе-ди-гри!» «Лучший корм для ваших любимых питомцев». Точно, чую, в левом кармане у него пакетик с «Педигри». Отдайте его мне! А?! Зачем вам эти подушечки из сушеной свинины с соевыми добавками и жирами животного происхождения. Для чего вам эта гадость? Все равно жрать не будете!

— Хорош скулить. На, ешь!

— На!!! Ешь!!! Эти слова моего будущего хозяина я запомнил на всю жизнь. Целую ваши угги! Еще! Очень надо еще!

— Разрешите вас пощупать?

— У-у-у! Чего это он меня за живот трогает. Извращенец, может быть? Что он такое говорит? Ага! Говорит, что я мальчик. Это и без него известно, что мальчик. Не сука ведь, не приведи господь! Говорит, что я голодный, значит, ничей. А ему, мол, как раз мальчика, да еще ничейного, и надо. У-у-у! Подобных мужиков, не в ту сторону озабоченных, нынче хватает. Даже парады проводят. Но чтобы с собаками... ну, да ладно! Главное, чтобы в тепле и при харчах.

— Ступай за мной, — сказал да еще пальцами пощелкал и присвистнул.

— У-у-у! Да хоть на край света. И делайте там со мной, что хотите, хоть за самые интимные места трогайте!

— Пошли, Дружок!

— У-у-у! Я не ослышался? Он сказал: Дружок? Какой я к чертям собачим Дружок?! Дружок — это что-то домашнее, может, даже в наморднике ходит... с другой стороны, собака — дружок человека! Так вроде бы? Впрочем, разрешите лизнуть брючину?

— Пошли!

— Дальше вроде помню хорошо: шум заводимого мотора и голос Митяева из радиоприемника: «А с небес три дня порошит снежок. Как там без меня ты живешь»

дружок?» Это он обо мне! Минут через десять, не больше, снова визг тормозов, хлопанье двери, шарканье шагов. Надо бы дорогу запомнить. Мало ли. Вот и парадное с лифтом, обитая серой тисненой кожей дверь в квартиру. Табличка «Профессор Симбирцев С. С.».

— Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье... в тихом сумраке ночей...

— У-у-у, как фальшивит, А может, и не извращенец он вовсе? Профессор, как-никак! Может, я ему просто по-человечески приглянулся... в тихом сумраке ночей. Все же есть что-то от спаниеля в моих генах. Спасибо бабушке моей потаскухе, царство ей небесное. Наверное, я еще и красивый! Точно, красивый! Вот и еще одно хлопанье дверей, яркая фотовспышка и женский голос: «Где же вы такого уroda нашли, Семен Семенович?» У-у-у! Как обидно! Кто же это? Что за женщина? Вспомнил: это Арина Родионовна Бюргерталь — ассистент моего нового хозяина. Я ей покажу — урод! Затем вроде был щелчок моих же челюстей и крик Бюргерталь: «А-а! Паршивец!»

* * *

Убранство кабинета профессора Симбирцева отличали благородство смешения стилей, изысканная рациональность и легкий беспорядок. Старинное массивное профессорское кресло ненавязчиво подчеркивало изящную современность письменного стола с компьютерной стойкой, между двух окон разместились типично больничные стеклянные шкафы-стеллажи, напротив двери от пола до самого потолка возвышалось мутное зеркало, в углу пара стульев, пластиковая белая ширма и умывальник. На стене два портрета в бронзовых рамках. На одном изображен президент Путин, на другом — хозяин кабинета профессор Симбирцев, в кресле с чашечкой кофе. А вот и сам Семен Семенович. В том же кресле и с той же чашечкой кофе в руке. На стуле около белой ширмы что-то набирает на ноутбуке доктор Арина Родионовна Бюргерталь. Бросается в глаза ее перебинтованная правая нога. На бинтах следы зеленки и засохшей крови. В мути старинного зеркала отражается ножка профессорского кресла и лежащий рядом с ней тощий, со скомканными кудряшками рыжей шерсти, короткими лапами и куцым, вертикально торчащим хвостом беспородный пес. Нелепый, добрый и стеснительный.

— Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье... — слышится рассеянный и фальшивый голос Семена Семеновича, — Ты зачем, друг милейший, нашей Арине Родионовне ногу изувечил? А? Зачем монитор разбил?

Из-за кресла доносится жалобное «У-у-у».

— Что тебе плохого монитор сделал? Объясни, дурья башка!

— Еще какая дурья! — Арина Родионовна чуть приподнимает перебинтованную ногу. — Вот чего натворил! Как это вы еще справились с ним, Семен Семенович?

— Пряником, Арина Родионовна, только пряником. Никаких кнутов! Неважно, о ком мы говорим — о дворняге или человеке. Я категорически против всяких там ОМОНов с их «Масками-шоу», наручников, укладывания физиономией в асфальт, затаскивания в автобусы. Я купил этому прохвосту пакетики «Педигри» за сто семьдесят рублей двадцать копеек, и пес, уважаемая Арина Родионовна, мой. Весь, без остатка!

— Сто семьдесят рублей! — в голосе Бюргерталь звучит смесь обиды и удивления. — Да за такие деньги полкило «Останкинской» можно купить. Сами бы и съели. Неплохая закуска, кстати.

— Нельзя тащить в рот всякую гадость, Арина Родионовна. Тем более «Останкинскую» колбасу! И другую тоже... всех, кто скажет, что другая здесь равняется

с тобой... Сами подумайте по названию: из чего «Останкинскую делают». А? Подумали? То-то же!

Раздается звонок в дверь.

— Да-с, — Семен Семенович посмотрел на часы, — пора начинать прием. Арина Родионовна, дорогая, пригласите, это, наверно, сам Валентин Юрьевич.

Бюргерталь выходит из кабинета и вскоре возвращается со странным пациентом неопределенного, но явно не юного возраста. Вид уверенный, представительный. На мужчине серый костюм, голубая рубашка и синий галстук в крупный белый горошек. Все абсолютно то же, что и на улыбающемся из бронзовой рамы президенте Путине. Мужчина практически лыс, щеки и лоб в глубоких морщинах, но цвет лица неожиданно розовый, как у младенца.

Семен Семенович встречает странного пациента, усевшись за письменным столом и сразу сделавшись очень важным и внушительным. Из-за кресла слышен то ли испуганный, то ли удивленный визг разбуженного пса.

— Молчать! — следует строгий оклик профессора. — Простите, это я не вам, Валентин Юрьевич, это я моему псу! — голос уже мягкий, заботливый. — Прекрасно выглядим, голубчик! Честное слово, встретил бы на улице, не узнал! Впрочем, где уж вас, да на улице...

— Спасибо, — бормочет пациент, — вашими молитвами!

— Снимайте штаны, голубчик. Как наши успехи?

— Хе-хе! — конфузливо покашливает странный пациент. Взгляд его недвусмысленно направлен на Бюргерталь.

Профессор мгновенно улавливает намек.

— Арина Родионовна, я Валентином Юрьевичем один займусь, а вы пока, если вас, конечно, не затруднит, обзвоните все клиники и морги. Пора искать донора! Поговорите с патологоанатомами. Скажите, что от меня.

— Хорошо, Семен Семенович, — Арина Родионовна обиженно пожимает плечиками и не спеша покидает кабинет.

— Мы одни, профессор? — пациент начинает расстегивать змейку на брюках. — Это несказанно. С девяносто третьего года ничего подобного! Верите ли, профессор, каждый день с утра массажный салон «Дюймовочка» с голыми барышнями. Каждый день! Я восхищен. Вы волшебник.

Профессор внимательно всматривается в лицо гостя.

— Хм. Салон, говорите? Каждый день?

Пациент, совладав наконец со змейкой, снимает брюки. Под ними появляется теплое нижнее белье голубого цвета, расписанное узорами из синих кошек.

Незамедлительно из-за кресла раздается гавканье Дружка.

— Ай! — пугается пациент и роняет из кармана брюк несколько пакетиков с презервативами.

— Я тебя выпорю! — профессор грозит пальцем в сторону пса. — Вы уж, Валентин Юрьевич, его простите, кошек он не терпит.

Пациент, неловко подбирая с пола презервативы и густо краснея:

— Да, надо было со слониками одеть... или с рыбками.

— Вы, однако, смотрите, слоники... рыбки... Дюймовочки те же... не увлекайтесь!

Еще гуще краснея, пациент продолжает раздеваться.

— Я не увлек... я, дорогой профессор, только в виде эксперимента.

— Ну и что же? Каковы результаты эксперимента?

— Это потрясающе, профессор. Последний раз такое было на экономическом форуме в девяносто третьем. — Пациент собрал наконец все презервативы и начал стаскивать с себя кальсоны.

— Погодите, голубчик, — останавливает его профессор, — не будем нервировать пса. Чувствуете, какая у него реакция на кошек, а тут может случиться еще одно потрясение. Видели ногу Арины Родионовны?

— Не дай бог! Откусит еще к чертям собачьим, — восклицает пациент, прикрывая от испуга пах обеими руками.

— Вот и я говорю. Вся работа насмарку. Пройдемте, голубчик, за ширму. Кстати, а почему вы Бюргерталь так испугались? Она прекрасный специалист.

— Я не испугался, — вновь конфузится пациент, — но все-таки, профессор, лишние глаза, уши, тем более дамские... вы же знаете, профессор, какую должность я занимаю!

— Да уж знаю! Пост, прямо скажу, серьезный! Пойдемте.

Оба скрываются за ширмой. Вскоре на ней повисают снятые с пациента голубые кальсоны. С кошечками. Вновь слышится рычание пса.

— Ну что ж, мой дорогой Валентин Юрьевич, — доносится из-за ширмы голос профессора, — ствольные клетки семени козла прижились прекрасно. Все в полном порядке. Состояние, скажу вам, очень даже боевое. Воинствующее даже! Честно, я и сам не ожидал такого дивного результата. Пусть это был только сон... Одевайтесь, голубчик!

— Но какой дивный сон! — дребезжащим голосом подпевает пациент, появившись из-за ширмы. Вскоре, надев штаны, он вручает Семену Семеновичу пухлый конверт и благодарно жмет ему руку.

— Итак, Валентин Юрьевич, посмотримся еще разик, где-нибудь в понедельник или вторник, а потом пару месяцев можете не показываться. Но все-таки, мой дорогой, прошу вас, будьте осторожны.

— Не волнуйтесь! Вы волшебник, Семен Семенович! Если какие проблемы, номер телефона секретаря у вас есть. Звоните. Сами знаете, я решаю. Не последний человек в городе!

— Спасибо. Учту! — кивает головой профессор.

— Семен Семенович, вы правда волшебник! Заскочу на работу, а потом опять в салон... к моим девушкам! — последние слова пациента доносятся откуда-то со стороны коридора. Хлопает входная дверь.

— Вот уж точно — пусти козла в огород! — профессор вскрывает конверт и пересчитывает купюры. — Как улыбалось нам счастье... — берет со стола чашечку с кофе, в задумчивости отпивает пару глотков.

Появляется Бюргерталь.

— Ну что, Арина Родионовна, есть результаты?

— Пока нет, но будут. Предупредила все больницы и морги. Обещали помочь.

— Ничего, подождем. Да и песик наш перед операцией немного жирку поднаберет. — Профессор Симбирцев проводит холеной ручкой вдоль спины пса, от шеи до самого хвоста. — А то одни кости. Что там у нас с приемом на сегодня? Есть еще кто?

— Еще одна дама, Семен Семенович. На телевидении работает. Вот история. Но с возрастом тут она явно лукавит. Думаю, что где-то пятьдесят-пятьдесят пять.

— Зовите даму, док, разберемся.

Появляется явно взволнованная молодящаяся дама неопределенного возраста. Богато, но откровенно безвкусно одета. Лицо обильно покрыто макияжем.

Профессор встречает пациентку, прихлебывая кофе и очень строго переводя взгляд то на бумагу, то на даму. — Сударыня! Вы какого года выпуска?

— Я, профессор... Клянусь, если бы вы знали... это ужасно! Вы о каком выпуске? — Дама не ожидала такого хода событий и явно стушевалась.

— Лет вам сколько?

- Я, профессор, даже не знаю, что вам и сказать.
- Правду, сударыня, говорите! Ничего, кроме правды!
- Лицо дамы покрылось маленькими бисерками пота.
- Ну, скажем, сорок два.
- Дамочка! — взвизгивает Симбирцев. — Никаких — скажем, не скажем. Мы с вами договорились: правду, и только правду! Как на вашем телевидении.
- Грудь дамы вздыбилась, испуганно забегали глазки.
- Я вам одному, как корифею науки, как лучшему по профессии... Господи, что я говорю?
- Сколько вам лет?!
- Пятьдесят один! — корчась от ужаса, изрекает дама.
- Раздевайтесь до пояса, сударыня, — облегченно молвит Семен Семенович.
- Дама начинает стягивать с себя пестрый свитер.
- Дама, до пояса, но снизу. Опять же, как у вас на телевидении!
- Вы думаете, что именно, как на телевидении, профессор?
- Снимайте штаны, сударыня.
- Клянусь, профессор, — дрожащими пальцами расстегивая пояс, — я вам одному признаюсь, когда думаю о нем, просто потею...
- Профессор отходит к умывальнику, намыливает руки.
- Помнишь ли ты... Пройдемте-ка лучше за ширму.
- Богом клянусь! Профессор, но этот студент не может пропустить ни одной сокурсницы. Представляете, ни одной. Вообще.
- Студент? — искренне удивляется профессор, вытирая руки о бумажное полотенце.
- В том-то все и дело. Ведь он так патологически молод! — продолжая расстегивать какие-то пуговицы и крючочки, дама скрывается за ширмой.
- Нацепив белые резиновые перчатки, за этой же ширмой пропадает и профессор.
- Я же сказал, снимайте штаны, — вновь раздается из-за ширмы команда профессора.
- Может, вы первый, профессор! Господи, что я говорю.
- Сударыня, чтобы этого я больше не слышал. Полностью снимайте. До конца.
- Как же тогда до конца, профессор? Господи, что я...
- Не задавайте лишних вопросов...
- Вскоре вся ширма увешивается многочисленными, порою малопонятными атрибутами дамского туалета. Через несколько минут оба выходят из-за ширмы. Дама полуодета. Прижимая ворох белья к груди, она с надеждой глядит на Семена Семеновича. Тот важно хмурится и садится за стол.
- Пожалуй, я вам, сударыня, имплантирую стволовые клетки из яичников молодой свиньи.
- Ах, профессор, неужели свиньи? — обреченно молвит дама. — Может, лучше, скажем, львицы... или тигрицы?
- Я специализируюсь на козлах и свиньях. В будущем еще на собаках. Так что никаких львиц, тигриц, кенгуру и прочего, — тон профессора непреклонен. — Вам подойдет, уж извините, только свинья!
- Хорошо, профессор, — бледнея, шепчет дама. — Свинья так свинья! Когда же операция?
- Помнишь ли ты... в понедельник. На какое время вы бы хотели?
- Спасибо, профессор. Вы душка! Когда вы меня осматриваете, я прямо вся потею! Господи, что я говорю!
- На какое время вас записать, сударыня?
- Профессор, если можно, когда меньше посетителей. Я лицо медийное. Да и мой студент не должен ничего знать!

— Ах да, студент! — вспоминает Семен Семенович. — Тогда понедельник, в три часа.

— Отлично, профессор! Спасибо вам! Вы вернули мне смысл половой... в смысле, смысл... не только половой... просто жизни... вернули... господи, что я говорю!

Запутавшись окончательно, дама покидает кабинет, не забыв кинуть томный взгляд на профессора.

Еще не стихли шаги дамы, как в кабинет вошла маленького роста голубая потертая дубленка. Из нее торчало кислое, лимонного оттенка лицо.

— Я к вам, профессор, по нижеследующему вопросу...

— Вы напрасно по нижеследующему вопросу ходите ко мне без сменной обуви, — перебил профессор. — Во-первых, у вас будут потеть ноги, а во-вторых, это просто антисанитария какая-то. Я ведь здесь больных принимаю.

Дубленка в изумлении уставилась на Семена Семеновича. Молчание длилось несколько секунд.

— И потом, — нарушил затянувшуюся паузу Симбирцев, — вы, извините, мужчина или женщина?

— Я не вижу разницы, профессор, — гордо ответила дубленка.

— Вот и я не вижу, — согласился профессор, — а хотелось бы.

— Я мужчина, профессор, и я пришел к вам...

— Хорошо, допустим, вы мужчина! Но кто вы и зачем пожаловали? Хотя бы представьтесь для начала.

— Я Шпиндель, я возглавляю ТСЖ этого дома. И вот я...

— ТСЖ — это что, новый телеканал такой? — вновь перебил Шпинделя Семен Семенович.

— Это товарищество собственников жилья.

— Не телевидение, значит, — облегченно вздохнул Семен Семенович, — и то хорошо! Итак, по какому делу вы ко мне пришли? Говорите быстро, я сейчас буду обедать.

— Я пришел к вам, профессор, после общего собрания жильцов дома, на котором был вынесен вопрос о проблемах эксплуатации...

— Что-то я не очень вас понимаю. В дальнейшем потрудитесь излагать ваши мысли яснее.

— Вы насмешничаете, профессор? — обиделся Шпиндель.

— Чтобы насмешничать, как вы изволили выразиться, надо хотя бы для этого время иметь. — Профессор демонстративно взглянул на часы. — А у меня его нет. Так кто же кого соблаговолил вынести и куда?

Шпиндель на минуту онемел, затем продолжил:

— Собрание соблаговолило вынести, тьфу, на собрании был вынесен вопрос об эксплуатации лифтового хозяйства нашего дома. Вы, профессор, проживая в доме, не платите за лифт.

— Помилуйте! — откровенно возмутился профессор, — За что же я должен платить? В доме десять этажей. Моя квартира на втором, где лифт вообще не останавливается. Вам известно, что там и дверей даже нет.

— Известно, профессор, но собрание собственников жилья пришло к заключению, что на самом деле вы проживаете в самой большой квартире в доме. Это во-первых...

— Не только проживаю, но и работаю, — лицо профессора нежно побагровело. — И что же, интересно знать, будет во-вторых?

— Во-вторых, как раз, профессор, о той самой работе. У ТСЖ есть мнение, что ваши многочисленные пациенты спокойно могут подняться на лифте на третий этаж, а потом пешком спуститься на второй. Согласитесь. Ведь могут, профессор?

Багровое лицо профессора начало интенсивно сереть.

— Кто-то может пешком подняться и на десятый, потом на лифте спуститься на шестой, а далее уже опять пешком двигать на второй. Но у меня не психиатрическая больница, у меня несколько иная специализация. Вам известна разница?

Шпindelь уверенно кивнул головой, давая понять, что разница ему известна.

— Скажите, профессор, а вы перевели квартиру в нежилой фонд?

— И не собираюсь, — молвил Семен Семенович каким-то грустным голосом. — Я ведь пока еще живу! Вот когда «нежилой» буду, тогда и переведу. Могу я идти обедать?

— Э-хе-хе, однако не слабо, профессор! Тем не менее собрание собственников жилья нашего дома просит вас незамедлительно погасить имеющуюся задолженность за пользование лифтом. Кстати, даже губернатор нашего города, как и вы, живет на втором этаже, но за лифт регулярно платит. На самом деле.

— Очень может быть, господин... как там вас... Шпindelь, если не ошибаюсь, что губернатор нашего города платит за лифт, на котором не ездит. Может быть... Но я не губернатор! Я категорически не буду платить за пользование тем, чем никогда не пользовался и пользоваться не собираюсь. Категорически! И передайте это вашему общему собранию! Всѐ! На самом деле!

— Тогда, профессор, к великому сожалению, ТСЖ будет вынуждено отключить вашу квартиру от электроэнергетики.

— Отключить электричество? — профессор даже привстал в кресле от неожиданности.

— Что поделать, профессор. Вот протокол, — развил успех Шпindelь и вытащил из кармана какую-то бумагу.

— Ага, — голос профессора неожиданно зазвучал вежливо и даже учтиво, — одну минуточку.

Семен Семенович достал из кармана навороченный мобильный телефон. Запищали кнопки набираемого номера.

— Барышня, — уверенно начал профессор, — Валентина Юрьевича попросите, пожалуйста. Профессор Симбирцев. Считайте, что по личному. Валентин Юрьевич? Очень рад, что вы уже приехали. Валентин Юрьевич, ваш следующий осмотр у меня, увы, отменяется. Что? Да, и все остальные тоже. Не успели вы уйти, как ко мне пришел некий неустановленного пола паршивец в голубой дубленке и терроризировал меня в квартире с целью отключить ее от электричества...

— Позвольте, профессор... — Шпindelь явно не ожидал подобного подвоха от профессора.

— Извините, — совершенно не обращая на гостя внимания, продолжил профессор, — у меня нет возможности повторить все, что он говорил. Достаточно сказать, что он предложил мне ездить на лифте с пересадкой на третьем этаже и лечить пациентов при свете айфона. В таких условиях я не имею права работать. Поэтому я прекращаю деятельность в Питере и уезжаю в Москву. К Собянину. А вас пусть Шпindelь долечивает.

— Простите, профессор, но вы что-то не то говорите... — несмело молвил Шпindelь.

— Мне самому страшно неприятно, Валентин Юрьевич! Хорошо! Пусть это будет устное указание, важно, чтобы после него Шпindelь за километр обходил мою квартиру. Да, да. Пожалуйста. Ах, сами переговорите... Ну, это другое дело! Ага. Хорошо. Сейчас передаю трубку. Будьте любезны, — Семен Семенович змеиным голосом обратился к Шпindelю, — сейчас с вами немного поговорят.

— Прошу прощения, профессор, — совсем уж кисло прошептал Шпindelь, — но вы извратили все, что я вам сказал.

— Попрошу вас впредь воздерживаться от таких формулировок. Возьмите телефон.

Шпиндель растерянно берет мобильник из рук профессора.

— Я слушаю. Да... Председатель ТСЖ Шпиндель... Мы же действовали по закону... да, есть решение общего собрания жильцов дома. Но лифт сохраняет здоровье, берегите его... хорошо. То есть не хорошо! Понял, что плохо! Понял, что идиот. Понял, что диагноз. Понял, что Достоевский ни при чем. Нет, я не попугай. До свидания, Федор Михайлович. В смысле, Валентин Юрьевич...

Совершенно озадаченный Шпиндель возвращает телефон профессору.

— Не слабо, однако!

— Виноват, — неожиданно любезно говорит Симбирцев, — но теперь я могу обещать? Кстати, выход слева! На самом деле!

Шпиндель молча вышел из кабинета, бурча себе под нос: «Не слабо! Не слабо!»

Вскоре со стороны коридора послышался стук закрываемой за ним двери.

* * *

Столовая профессора Симбирцева большая и светлая. Посредине стеклянный с хромированными ножками обеденный стол, несколько обтянутых вишневой кожей стульев. У окна огромная плазменная панель. Напротив панели большой угловой диван, рядом элегантная барная стойка, заполненная десятками самых разнообразных бутылок и графинчиков. На столе два прибора, тарелки, рюмки, бутылки. Закуска не слишком разнообразная, но однозначно изысканная. Икра красная в стеклянной баночке, ломтики осетрины, соленые огурчики и блюдо с маленькими пирожками, тарталетками и канане. В кресле неподалеку от стола смотрит телевизор доктор Бюргерталь. Вошел раздосадованный профессор.

— Арина Родионовна, нижайшая к вам просьба, постарайтесь, чтобы господина Шпинделя больше в моей квартире не было.

— Хорошо, если он еще сюда явится, я спущу его с лестницы!

— А справитесь, Арина Родионовна?

— Не с такими справлялась! — уверенно ответила Бюргерталь.

— Тогда это будет лучший вариант! — отозвался профессор. — И скажите ему, что со мной согласовано. А теперь я предлагаю сделать телевизор тише и скромно отметить начало нашего эксперимента. Тем более что мне еще надо заглушить радость общения с этим прохвостом Шпинделем. Выпьем с горя, где же кружка, дорогая Арина Родионовна.

Бюргерталь подошла к телевизору, увлеченно демонстрирующему очередную рекламу, и уменьшила звук.

— Ну не такая уж я и старушка, профессор!

— Вы самая молодая и самая обольстительная, милая Арина Родионовна! Вам вина или водки?

— Разве что финскую попробую, — ответила Арина Родионовна.

— Арина Родионовна, дорогая моя, выпейте не скверной финской, а нашей, русской водки. Прислушайтесь к мнению профессионала.

— Но, Семен Семенович, все утверждают, что финская из «Дутика» очень даже приличная. Пьется легко, как сок, и запах черной смородины.

— А водка должна питься как водка, а не как сок, — глаза профессора Симбирцева загорелись, — и запах должен быть водочным, а не каким-то там смородиновым или лимонным. Тем более что, скажу вам, плодово-ягодным запахом Шпинделя не заглушить. И главное, Арина Родионовна, бог их знает, из чего наши добрые северные соседи там ее гонят? Для нас, кстати.

— Для нас? Из чего угодно, — уверенно молвила доктор Бюргерталь, наливая себе стакан пепси.

— И я того же мнения, — добавил профессор и, подойдя к барной стойке, извлек из нее пузатую бутылку.

— Вот «Путинка» чем не хороша? В сто раз лучше, чем от фиников! Я уж не говорю про «Зюгановку» или тем паче «Жириновку».

Семен Семенович разлил водку, крякнул и опрокинул залпом содержимое рюмки себе в горло. Бюргерталь, морщась, последовала его примеру, от чего закашлялась, затем быстро схватила стакан пепси-колы.

— Арина Родионовна, умоляю вас: никакого пепси! Мгновенно вот эту тарталеточку с луком, перцем и собачьим сердцем...

— С чем-чем? — поперхнулась Арина Родионовна.

— Шучу! С луком, яйцом и анчоусом! И если вы скажете, что это плохо, можете больше со мной не разговаривать. «Нет, это был только сон, мне дорог он...»

Оба сосредоточенно закусывают.

— Ну и что, разве это плохо уважаемая, Арина Родионовна?

— Это несравненно, — искренне ответила Бюргерталь.

— Еще бы, — жуя, продолжил поучение Симбирцев. — Заметьте, Арина Родионовна: запивать водку пепси или чем-то там еще — удел мужиков, да еще и совсем уж среднего класса. Мало-мальски уважающая себя дама балует себя изысканными закусками. Не говоря уже о такой красавице, как вы!

— Вы уж скажете, — кокетливо повела плечиками Арина Родионовна.

— Дружок, где ты там? — Семен Семенович взял с блюда одну тарталетку и сунул ее под стол. — Наголодался, бедняга! На, паршивец, оцени!

— У-у-у — благодарно отозвался пес.

— Есть, Арина Родионовна, и пить нужно уметь! — вновь веселый огонек загорелся в глазах профессора. — И можете мне поверить, российский народ этому абсолютно не обучен. Запихают на ночь водку в морозильник и пьют потом, густую, как гель для бритвы. Ни вкуса не ощутить, ни запаха. Сверху еще селедкой промерзлой забросают, это у них для «согрева» называется. И сидят, ждут, когда там кайф придет. А он и не придет вовсе. Дурь придет, а кайф никогда!

— Вместе с дурью еще атрофический гастрит и язва двенадцатиперстной, — строго добавила Арина Родионовна.

— Это вы зря, док! — не поддержал коллегу профессор. — Никогда не говорите за обедом о медицине, если вы, конечно, заботитесь о своем пищеварении. А вам как женщине надо заботиться, ведь оно в первую очередь влияет на цвет лица. Никакие там кремы, лосьоны, маски и прочее. Поверьте мне! Только пищеварение! И, боже вас сохрани, не читайте до обеда независимой прессы.

— Да ведь независимой у нас и нет? — удивилась Бюргерталь.

— Вот никакой и не читайте, — подытожил разговор профессор, затем, резко развернувшись вместе с креслом в сторону телевизора, прислушался. — Господи, что это?

— Поют, похоже? — отозвалась Бюргерталь.

— Совсем даже не похоже, — снова не согласился с Бюргерталь профессор, — что это такое означает?

— Опять конкурс какой-то, Семен Семенович. Типа «Минуты славы» или как там его... «Битвы хоров».

— Опять! — искренне расстроился Семен Семенович. — Ну, теперь, стало быть, народ наш не остановишь. Вместо того чтобы работать, колоннами в конкурсы пойдут. Опять безработица, падение производства, инфляция...

— Может, вы излишне драматизируете ситуацию, Семен Семенович?

— Излишне?! — горестно воскликнул профессор. — Вспомните, до распада Союза были всякие там «Минуты славы», «Стань миллионером», «Танцы со звездами»? Не бы-ло! И все работали. А на честно заработанные деньги покупали еду и тащили ее домой, в семью, детям. А не как сейчас — Якубовичу на «Поле чудес». А какая еда была, Арина Родионовна. Какая закуска! Крабами я кота Барсика кормил. Черную икру столовыми ложками вместо каши ел. И никаких падений рубля, роста цен на бензин, сокращений, как там его... — Семен Семенович поискал взглядом портрет Путина и, не найдя, продолжил: — ВВП. А посмотрите, Арина Родионовна, что с ЖКХ делается. Квитанции на ночь читать нельзя, хуже книги ужасов. Фу, зря о коммуналке заговорил. Сразу Шпиндель этот с лифтом вспомнился. Почему же все так плохо?! А? Доктор!

— Кризис, Семен Семенович. Мировой экономический кризис! Ну, и санкции, конечно. Нефть, вот ещё.

— «Мировая экономика», дорогая Арина Родионовна, — уверенно возразил Симбирцев, — и даже эти чертовы санкции с нефтью здесь совершенно ни при чем! Просто если я вместо того, чтобы оперировать, каждый вечер начну бегать на конкурсы и петь там хором, у меня наступит кризис. Если вместо государственных дел наши руководители в Кремле снова начнут считать промили и менять часовые пояса, в стране начнется кризис. Следовательно, кризис вовсе не в мировой экономике, а в головах. Справиться же с ним можно только одним способом: немедленно погнать с телеэкранов этих певцов! И вот когда эти скрипучие баритоны и визгливые альты прекратят свои кастинги да конкурсы, а наши высокие патроны свои эксперименты и все они начнут мести улицы, строить дома, печь хлеб, управлять экономикой, то есть займутся прямыми своими делами, кризис исчезнет сам собой.

Завершив речь, Семен Семенович налил очередную рюмку, даже забыв предложить даме, осушил ее до дна, затем поспешно посмотрел на часы.

— О, уже восьмой час. Ради бога, Арина Родионовна, — профессор указал пальцем на телевизор, — выключите эту дрянь и быстро вспомните, что у нас с вами сегодня? «Помнишь ли ты...»

— «Собака на сене»?!

— Не, на этот раз не собака. Сегодня в оперетте дают «Сильву». — Профессор даже причмокнул от предвкушения. — А я давно не слышал. Люблю... Помнишь ли ты та... та...та...та... Одевайтесь, Арина Родионовна. В темпе, в темпе!

— Одну минуту, Семен Семенович, корм только Дружку положу, — засуетилась Бюргерталь.

— На охоту ехать — собак кормить! Опоздываем же, Арина Родионовна. Хотя покормить, конечно же, надо! Пусть этот неунывающий дистрофик перед операцией жирок поднаберет...

* * *

Вернулся из театра Семен Семенович около полуночи в приподнятом настроении и со следами помады на левой щеке. Любимые мелодии Кальмана, близость локотка Арины Родионовны и триста пятьдесят «Камю» в антракте сделали свое дело. С еще большим, чем обычно, энтузиазмом напевая: «Помнишь ли ты...», он довольно долго елозил ладонью по стене, пока не нащупал выключатель. Вспыхнул свет, пение мгновенно прекратилось. На полу посреди кабинета валялся

разбитый вдребезги недавно купленный новый монитор. Рядом с ним из разломанной бронзовой рамы на профессора смотрели обиженные глаза президента России.

— Господи, что это? — Профессор сокрушенно покачал головой и подошел к торчащему из-за кресла куцему хвосту. — Зачем же ты, свинтус, опять монитор расколотил? Он тебе что, мешал? Зачем ВВП угробил? Он же народом избран! Почти единогласно!

— У-у! — робко вильнул куцый рыжий хвост.

— При чем здесь «У-у»? По-моему, так у тебя просто с совестью проблемы. Вот утром подъедет Арина Родионовна, она и всыпает тебе по первое число, чтобы знал, как вещи порти... — Семен Семенович неожиданно замолк на полуслове, прислушавшись к скрипу входной двери, — ага, легка на помине!

Входит Бюргерталь с хромированным чемоданчиком в руке и, не раздеваясь, устремляется с ним к Семену Семеновичу.

— Что, неужели донор?! — оставив в покое трясущийся хвост, ожил профессор.

— Да, Семен Семенович, представляете, только от театра отъехала, позвонили. Свеженький! Два часа как умер.

— Скорей, скорей! Арина Родионовна, умоляю вас, скорей, скорей!

Будто подчеркивая важность момента, где-то в коридоре пробили часы. Ровно двенадцать раз. Как никогда, громко зажужжала муха и, смутившись собственно-го шума, затихла. Профессор и Бюргерталь быстро переодеваются в халаты. Арина Родионовна скрывается за дверью и вскоре вкатывает в кабинет узкий операционный стол. Семен Семенович вскрывает пакетик с влажной салфеткой, наспех обтирает руки. Второй такой же пакетик передает Бюргерталь.

— Скорее, Арина Родионовна. С вас наркоз, и побольше.

Протерев руки, Бюргерталь достает из недр стеклянного шкафа огромный шприц, вливает в него какую-то жидкость и ныряет с ним за кресло. Возня, вскрики, рычание пса, тяжелое дыхание и... тишина.

— Тащим его на стол, Арина Родионовна. И быстрее!

Профессор вместе с Бюргерталь выволакивают из-за кресла раскинувшего ноги пса и укладывают его на стол под яркий свет софита. Бюргерталь, тяжело дыша, машинкой стрижет ему голову. Тем временем Семен Семенович внимательно изучает содержимое хромированного чемоданчика.

— Итак, Арина Родионовна, на все про все у нас считанные минуты. Поэтому действуем синхронно и строго по плану. Я надрезаю мошонку, вы мгновенно подаете вытяжку из придатков яичек донора. Затем вместе имплантируем ее в собачьи семенники. Второй этап — идем к гипофизу. Я аккуратно вскрываю собачий. У вас уже наготове донорская вытяжка. Затем имплантируем ее нашему Дружку. Не перепутайте. Где зеленая крышка, это вытяжка из ствольных клеток придатков яичек. Под красной крышкой вытяжка гипофиза. Подробности по ходу. В общем, как-то так! Главное, все делать мгновенно! Иначе эксперимент провалим и пса потеряем. Ну, как он там, спит?

— Крепко спит.

— Тогда, Арина Родионовна, еще по сто граммов за удачу и вперед на минь!

Не слишком твердой походкой Семен Семенович подходит к шкафу, извлекает из него бутылку и пару конфеток, разливает коньяк.

— За успех нашего эксперимента, Арина Родионовна!

— За вас, Семен Семенович! И чтобы не ниже Нобелевской! У нас тут непорядок маленький... — Бюргерталь кончиком салфетки превращает очертания губ на щеке шефа в бесформенное красное пятно.

Выпивают, закусывают конфетой. Семен Семенович смотрит на часы, затем поднимает вверх сжатую в кулак руку:

— Вперед! Арина Родионовна! С богом. Скальпель.

Профессор, взмахнув скальпелем, приступает к делу. Мельтешат инструменты, слышатся команды, светятся мониторы медицинских приборов. Бюргерталь открывает сверкающий хромом чемоданчик, наклоняется над ним и вскоре передает профессору покрытый инеем шприц. Еще пару минут мельканий ловких рук, и профессор Симбирцев, распрямившись над столом, рукавом халата обтирает капельки пота со лба:

— Готово! Стволовые клетки в семенниках. Можете зашивать! Что со временем?

— Двенадцать минут делали, — смотрит на часы Бюргерталь.

— Долго, док, очень долго! Ладно, поехали к гипофизу.

Бюргерталь выкатывает из-за шкафа нечто похожее на старенький сверлильный станок, выуживает из его чрева вибрирующий гибкий шланг и подает профессору. Раздаются визг и скрежет.

— Пульс резко падает. Мы его теряем, профессор!

— Адреналин в сердце.

Бюргерталь ломает ампулу с прозрачной жидкостью, втягивает ее в шприц и с размаху всаживает иглу в пса.

— Есть адреналин!

— Помнишь ли ты... Жаль пса, помрет ведь! Так, вот и гипофиз! Давайте, Арина Родионовна, вытяжку.

Бюргерталь вновь открывает хромированный чемоданчик, извлекает из него еще один дымящийся инеем шприц и подает его профессору. Семен Семенович бережно берет шприц в руку, задумчиво рассматривает его на свет.

— Хороший такой материалец! Свежий! Вот мы его сюда и присобачим. Именно присобачим! Ну что, пожалуй, и все! Как, док, оцените.

Бюргерталь внимательно изучает содеянное профессором, затем неожиданно озорно подмигивает ему и выразительно щелкает себе по щеке.

— Пожалуй, добавить бы надо, а, Семен Семенович!

— Ах, вы какая, Арина Родионовна! Не ожидал! В тихом омуте... ну что же можно и добавить. Дайте-ка контейнер, сам заберу, сколько надо.

И снова Бюргерталь наклоняется над сверкающим хромом чемоданчиком и подает профессору дымящийся контейнер. Семен Семенович деревянным шпателем извлекает из этого контейнера бесформенные кусочки какого-то студнеобразного вещества и аккуратно укладывает их в разрез черепа пса.

— Еще чуть-чуть. Вот и все! Зашивайте! Ну, как он там, док?

— Живой пока, Семен Семенович.

— Так, а что у нас приборы говорят? — взгляд профессора сосредоточен на показаниях светящегося кардиографа. — Давление упало. Трепетание пульса. Пожалуй, Арина Родионовна, включим дефибрилляцию. Не помешает. Хотя и вряд ли спасет.

Бюргерталь неуверенно, почти наугад нажимает на какую-то кнопку. Судя по всему, безрезультатно.

— Не включили, док! — высказывает сдержанное недовольство профессор. — Зеленая кнопка, зеленая, Арина Родионовна, драгоценная, что вы все на красную жмете. Вы что, дальтоник?

— Есть немного, — смущается Бюргерталь, — гаишники проклятые на мне озолотились! И когда только Путин за них возьмется?!

Невесело вздохнув, Бюргерталь продолжает манипулировать окровавленной иглой с ниткой над головой пса. Продолжая следить за показаниями приборов, Семен

Семенович машинально берет в руки крышку от контейнера, вздрагивает и принимается с удивлением рассматривать ее на свет. Крышка откровенно зеленого цвета.

— Это у нас какого цвета крышечка, Арина Родионовна? — ехидным голоском осведомляется профессор.

— Это у нас предположительно красненькая, Семен Семенович, — не ощущая подвоха, откликается Бюргерталь.

— Отличненько, Арина Родионовна! Красненькая крышечка, значит! Предположительно?! — криво улыбается профессор Симбирцев. — А вот где теперь какие придатки, предположить уже вряд ли кому удастся. Скорее всего, вытяжка из придатка мозга гипофиза попала в собачьи семенники, а вытяжка из придатков яичек, то есть эпидидимис, теперь как раз в мозгах нашего с вами Дружка. Отлично сработали, — Семен Семенович, хотя и старается не подавать вида, явно раздосадован.

— И что теперь будет? — робко шепчет Бюргерталь.

— А вот это, боюсь, мы с вами, Арина Родионовна, вряд ли узнаем, — устало хрипит Симбирцев. — Похоже, Дружок наш не жилец, с придатками, там, или без таковых! Сердечко собачье не ахти оказалось. Ладно, с кем не бывает! Тем не менее, Арина Родионовна, наблюдайте, наблюдайте и еще раз наблюдайте! Мало ли чего.

Бюргерталь берет со стола фотоаппарат. Вспышка освещает бездыханное тело пса на узкой металлической каталке. На мгновение в тусклых закатившихся глазах пса мелькает что-то крайне мутное и блеклое, прорезаемое яркими белыми вспышками. Как в ускоренном фильме, пролетают кадры из жизни Дружка: убегающая кошка, подворотня, надпись «Газпром», ноги в угтах, «Помнишь ли ты...», Путин...

* * *

Ноутбук доктора Арины Родионовны Бюргерталь.

Рабочий стол. Папка — «Профессор+». Файл — «Дружок.doc».

Заглавие — «Отчет к материалам на присвоение Нобелевской премии по науке за 2016 год».

Первые записи аккуратно набраны шрифтом Times New Roman (полужирный, размер 14), страницы пронумерованы слева сверху. При включении режима «проверка орфографии» ошибок практически нет.

В последних же записях царит полный хаос, путаница, смешение шрифтов, стилей и форматов. Экран пестрит красными волнистыми линиями, сигнализирующими об огромном количестве орфографических ошибок. Обращает на себя внимание невероятное число восклицательных и вопросительных знаков огромных размеров. Запись заканчивается словами: «Этого не может быть! Полная чушь! Я в шоке! А-а-а! Кажется, мне плохо...»

Вот некоторые выдержки из файла «Дружок.doc»:

...впервые в мире произведена имплантация стволовых клеток мужских половых органов в гипофиз собаки. Одновременно в семенники той же собаки имплантированы человеческие стволовые клетки гипофиза мозга...

Вся проводимая работа — мирового значения эксперимент, потрясающий своей нестандартностью! Операцию осуществил профессор С. С. Симбирцев, ассистировала доктор А. Р. Бюргерталь.

Объект эксперимента — собака. Род мужской (кобель). Возраст около трех лет. Порода — дворняга. Цвет рыжий с черными подпалинами. Рост от холки 44 см, вес 23 кг, внутренние органы без патологий...

Донор материалов — скончавшийся за 2 часа 12 минут до операции Кочерыжкин Павел Иванович. 29 лет. Депутат муниципального образования №... Причина смерти — падение из окна девятого этажа в состоянии сильного алкогольного опьянения.

Показание к операции: подготовка к использованию ревитилизированных стволовых клеток собаки в целях последующего регулирования сексуальных расстройств человека.

12 часов после операции.

Ожидание смертельного исхода. Состояние тяжелой комы. Остановка сердца. Электростимуляция. Адреналин, ламизил, сиалекс, биологические добавки — всё по Симбирцеву!

24 часа после операции.

Состояние комы. Угроза жизни крайне велика. Вновь падение пульса, мерцательная аритмия, остановка дыхания. Давление 60 на 40. Температура 42°. Непрямой массаж сердца, дефибриллятор, адреналин, терафлю, мезим, клизмы... всё по Симбирцеву.

36 часов после операции.

Состояние крайней тяжести. Вновь остановка сердца и дыхания. Дефибриллятор, искусственное дыхание «рот в пасть». Клизмы из отвара борщевика, спирт внутривенно, аликапс... всё по Симбирцеву.

48 часов после операции.

Состояние средней тяжести. Угроза жизни миновала. Пациент пропотел, зрачки реагируют. Наблюдалось действие желудка. Стул жидкий, обильный. Давление 220 на 127 (как у трансформатора). Пульс учащенный синусоидальный. Температура 37,7. Дыхание сиплое. Аспирин, ламизил форте, раствор карболена, три клизмы. Всё по Симбирцеву.

Третьи сутки после операции.

Состояние удовлетворительное. Пульс и давление в норме. Операционные раны в стадии заживления. Потребовал пищу. Компот из сухофруктов, бульон, овсяная каша, растворимая без остатка. Аппетит хороший. Два раза стул. Сиалекс, массаж, клизма. Всё по Симбирцеву.

Четвертые сутки после операции.

Состояние удовлетворительное. Большой аппетит. Температура 36,6, пульс и дыхание в норме. При перевязке головы на бинтах обнаружено большое количество налипшей собачьей шерсти. Кроме лба, замечено интенсивное выпадение шерсти с боков, нижней части задних лап, верхней поверхности живота. Требуется консультация со специалистом кафедры кожных болезней.

Пятые сутки после операции.

Состояние хорошее. Начал приподниматься на кровати. Выпадение шерсти продолжается. Заметно увеличение черепа и удлинение нижних конечностей. В процессе постановки клизмы начал лаять. Правда, лай больше похож на какой-то стон. Вместо «гав, гав» звук «м-о», который вскоре превратился в отчетливое «М-о-ррр-п» и далее «Морп-заг», что, по мнению подошедшего профессора Симбирцева, означает «Газпром», если читать наоборот! Но! Но ведь этого не может быть! Полная чушь! Я в шоке! А-а-а! Кажется, мне плохо...

На этом запись в файле «Дружок.doc» обрывается.

* * *

Громадный профессиональный опыт Семена Семеновича, дополненный уникальными познаниями в области современной медицины, сделал свое дело. Не успел он помахать над головой Бюргерталь подвернувшимся под руки ковриком для мышки и пяти минут, как Арина Родионовна, пусть бледная и испуганная, но главное, что однозначно живая, уже достаточно уверенно сидела на полу, прислонившись к массивной ножке профессорского стола.

— Что со мной было, Семен Семенович? — голос слабый, почти шепот.

— У вас был глубокий обморок, — продолжая размахивать компьютерным аксессуаром, успокоил коллегу Симбирцев.

— С чего бы это? — испуганно поинтересовалась Бюргерталь.

— «Морпзаг», дорогая Арина Родионовна. Полагаю, что все дело в «Морпзаге»!

— Ах да... — от страха заморгала левым глазом Бюргерталь, — «Газпром», если читать наоборот?! Но этого же не может быть! Семен Семенович! Он же пес?

Судя по тени на белом полотне ширме, реакция пса на эти обидные для него слова доктора последовала незамедлительно. Пес приподнялся и уверенно сел на каталке. Над ширмой появилась его облезшая, с ключьями скатавшейся шерсти и дрябловатой кожей голова. Внимательно оглядевшись по сторонам, голова как бы улыбнулась, издевательски подмигнула Бюргерталь, затем отчетливо произнесла: «Морп-заг твою мать» — и, громко икнув, скрылась.

— Что-то чудовищ... — грустно произнес профессор Симбирцев и, тихо осев, без чувств упал рядом с вновь обмякшей Бюргерталь. На пол лицом вверх. В его руках все так же дымилась чашечка кофе...

* * *

Громкие шумы эфира, переключение каналов, фрагменты музыки, реклама, голоса дикторов, обрывки фраз: «... сенсация, сенсация... реанимационная бригада неотложной помощи была вызвана к профессору Симбирцеву... как нам рассказала ассистент профессора доктор Арина Бюргерталь, в настоящее время профессор все еще чувствует себя плохо... но угрозы жизни уже нет. Она связывает болезнь с необъяснимыми логопедическими изменениями некоей подопытной собаки. Однако это не более чем слухи, так как та же Бюргерталь, ссылаясь на собственное плохое самочувствие, не пропустила корреспондента местного телеканала к месту события для проведения прямого репортажа. В связи с фактом нарушения закона о свободе средств массовой информации руководство канала подает на доктора Бюргерталь иск в суд. Не переключайтесь — реклама пройдет быстро!»

* * *

Завершение постельного режима для профессора Симбирцева прошло скромно и по-деловому. Как заметил сам Семен Семенович — без цветов, оркестра и пения районного хора ветеранов труда. Но не отметить данное доброе событие профессор и доктор Бюргерталь, естественно, не могли. В подтверждение чего на столе профессорского кабинета обильно потела почти допитая до дна большая бутылка водки. Рядом в крышке от стерилизатора о чем-то своем грустили надкушенный соленый огурец и горбушка хлеба.

— Да, в постели хорошо, а за столом лучше, — заплетающимся языком изобразил из себя непьющего человека Симбирцев. Нетвердая рука профессора в очередной раз потянулась к потной бутылке. — Как вы смотрите еще по соточке, Ариночка Родионовна?

— А, семь бед — один ответ, наливайте, — недолго сопротивлялась Бюргерталь.

Налив больше на стол, чем в рюмки, профессор несколько огорчился результатом.

— Вот ведь какая, — обругал он пузатую, — мимо льет и льет. Пьяная, что ли?

— Может, Семен Семенович, хватит, — не очень уверенно изрекла Арина Родионовна. — Вон сколько хлебнули! А вы ведь только после болезни. Вам бы еще полежать в постельке неделю-другую. Отдохнуть. Набраться сил.

— В любое другое время с удовольствием бы полежал, — гордо провозгласил профессор, — но, любезная Арина Родионовна, мы на пороге величайшего открытия. И я должен, нет, я просто обязан работать!

— Семен Семенович, — растрогалась Бюргерталь, — надо срочно на Нобелевскую подавать!

Подойдя к профессору, она громко чмокнула его в лысину.

— Не ради премий работаем, Арина Родионовна, не ради премий, — потупив очи, скромно вздохнул Симбирцев, — хотя документы срочно начинайте готовить. Важно другое, док, теперь мы стопроцентно можем утверждать, что то ли имплантация стволовых клеток гипофиза человека в семенники собаки, то ли пересадка стволовых клеток придатков яичка в гипофиз, то ли чего-то там куда-то там еще... дает, как бы сказать точнее, дает очеловечение организма. Вот!

— Правильно, Семен Семенович, — подхватила Бюргерталь, — раскрыта одна из тайн происхождения человеческого вида. Отныне мы твердо знаем, что это связано с действием на мозговой придаток — гипофиз стволовых клеток придатков яичек... или, наоборот, действием стволовых клеток гипофиза на придатки яичек. Или еще с чем-то! Запуталась, извините, — Бюргерталь раскраснелась и резко помолдела, — профессор Симбирцев, вы — гений! Давайте выпьем за вас!

— Спасибо вам, Арина Родионовна. Смеею заверить, что без вашей, так сказать, помощи кхе, кхе, никакого открытия бы не случилось! Тем не менее я вас уважаю, Бюргерталь! И немного, так сказать, по-стариковски люблю.

— Какой же вы старик, милый мой Семен Семенович, — Бюргерталь снова чмокнула его в лысину, — вы парень хоть куда! Настоящий профессор! И я вас уважаю! Давай выпьем!

— И я себя уважаю, — заморгал нежданно повлажневшими глазами Симбирцев, — и тебя тоже! Давай выпьем на бюргершафт... на брудершафт!

Скрестив руки, с удовольствием выпили, три раза нежно поцеловались. Из-за ширмы послышалось недовольное ворчание, затем отчетливая фраза: «Прекратить, ламизил твою мать».

— Черт знает что такое, — искренне возмутился профессор, на всякий случай отодвинувшись от Бюргерталь... расслабиться не дадут... дайте-ка я его осматрю.

С трудом встав из-за стола, Семен Семенович, отчетливо покачиваясь, направился к ширме и за ней пропал.

— Пишите, доктор, — вскоре раздался не слишком трезвый профессорский голос. — Так-с! Лыс, кожа на морде квелая. Череп сильно увеличен, лоб маленький и низкий. Шерсть сохранилась только на голове, груди и, сейчас посмотрим, в области половых органов, то есть в паху. И что еще у нас в паху делается? А в паху у нас — зреющий мужик. Все на местах и в приличном состоянии.

— Лучший подарок детям! Народное достояние! — согласился с профессором хриплый собачий голос.

— Дружок умница! Хорошая собака! Разговорчивая! На тебе огурчик.

Из-за ширмы раздалось довольное повизгивание и хруст огурца. Бешено закрутился хвост и, набрав приличную скорость, оторвался, чуть не угодив в голову Бюргерталь.

— Профессор, — заревела Бюргерталь, — у него отлетел хвост! Я в шоке!

— Туда его мать! — голос Дружка хрипл, но дикция разборчива.

Тень на ширме начала активно ворочаться, затем уверенно села, попыталась встать...

— Ей-богу, я с ума сойду, — запрочитала Бюргерталь.

— Давайте-ка, Арина Родионовна, усадим его, что ли, в коляску. А то он в конце концов грохнется на пол.

Бюргерталь выкатила из коридора инвалидную коляску и вместе с ней пропала за ширмой.

— Каскадер не нужен. Поведу сам! — раздался уверенный голос пса.

Вскоре коляска с Дружком выехала из-за ширмы. Вид пса одновременно смешон и страшен. Он производит впечатление мелкого и отвратительно сложенного мужчины. На голове скрученная в колтун шерсть, напоминающая давно невытые волосы, короткие кривые ноги, серая дряблая кожа на животе и груди, покрытые клочьями пуха плечи. С интересом оглядевшись, пес неприятно улыбнулся, почесал затылок и отчетливо произнес: «Олигархи, блин». В его лапах или теперь, скорее, руках блестела стеклянная полупустая клизма.

— Какие же мы олигархи, голубчик? — неожиданно угодливо улыбнулся профессор, — мы с Ариной Родионовной, как бы это правильнее сформулировать, трудовая интеллигенция.

— «Мест нету», «Грибок стопы», «Терафлю», — подмигнув, профессору, изрек пес.

— Помолчал бы, а! — покрутила указательным пальцем у виска Бюргерталь.

— Сиалекс, мачо, не иначе. Я тебе покажу что, где, когда, твою мать... — озлился на нее Дружок.

— В моем присутствии попросил бы впредь не выражаться! — не выдержали нервы у Симбирцева.

Пес не спеша подрулил коляску к профессорским ногам и, высоко задрав морду, произнес:

— Не булькай, гнида! Помнишь ли ты...

Как и в прошлый раз, профессор очень тихо упал без чувств на пол, лицом вверх. В его руках все так же дымилась чашечка кофе.

— «Вечерние новости». «Задачи импортозамещения». «Экономический спад в Европе», — вошел во вкус Дружок.

— Заткнись ты со своей Европой! — нервно прокричала Бюргерталь, склоняясь над утихнувшим профессором.

Задумчиво уставившись на наконечник клизмы, пес привстал с коляски и, вытянув вперед правую лапу, с пафосом продекламировал:

Кризис охватил Европу,
Сея катаклизму!
Подставляй-ка, доктор, жопу,
Будем ставить клизму.

Так же тихо, как и профессор, доктор Арина Родионовна Бюргерталь сползла на пол и уже без сознания улеглась рядом со своим кумиром, положив голову на его живот.

В кабинете профессора Симбирцева происходит нечто подобное медицинскому консилиуму. Участвуют двое — сам Семен Семенович и доктор Бюргерталь. Оба, наклонившись над столом, сосредоточены на записи, звучащей из диктофона. Слышится сначала обычное собачье рычание и лаяние, далее звуки, близкие к человеческим стонам, потом первые слоги, слова, предложения. От «Морпзаг» или «Терафлю, твою мать» до «Подставляй-ка, доктор, жопу, будем ставить клизму». Вся записанная речь постоянно прерывается пискom «ту-ту-ту», скрывающим отборный и крайне разнообразный мат. Одновременно на экране монитора мелькают фотокадры, снятые Бюргерталь и запечатлевшие все произошедшие с Дружком этапы его эволюции. От голодной продрогшей собаки до странного человекоподобного существа со скошенным узким лбом, пучками шерсти на вялой коже и идиотской улыбкой. Отдельно сняты: отвалившийся хвост, формирующиеся мужские гениталии в трех проекциях, стадии удлинения задней половины костей стопы, вытягивание передних конечностей, ковырянье кривым безымянным пальцем в волосатом носу. Завершается сеанс кадрами обучения визита в уборную.

— Будьте добры, Арина Родионовна, прокрутите на пару кадров назад, — прерывает демонстрацию фотографий Симбирцев.

— Там, где голова? — спрашивает Бюргерталь.

— Скорее, наоборот. Мне, Арина Родионовна, уж простите, но нужен кадр с гениталиями прохвоста.

— Чему ж тут извиняться? Дело житейское, — включает нужный кадр Бюргерталь.

— Да, картина маслом! — уставившись очками в монитор, поражается Симбирцев. — Скажите, коллега, может такое быть у собаки?

— Я в этом, скажу честно, не великая специалистка, но думаю, что нет, — слегка смущается Бюргерталь.

— Вот именно, Арина Родионовна! Нет, нет и еще раз нет! Псы просто такого не достойны! Так что налицо, и, как изволите видеть, не только на лицо, процесс очеловечивания организма! Куда ни глянь, результат один!

— И какой результат, Семен Семенович! — восхищается доктор Бюргерталь. — Благодаря вашему смелому эксперименту на земле появилась новая человеческая единица.

— Спасибо, конечно! — неожиданно грустно соглашается профессор. — Но как это объяснить... подскажите, Арина Родионовна, что со всем этим мы будем делать? И с этой человеческой единицей, в частности? А? Вы знаете? Я, например, не знаю! Боюсь, что «терафлю» получается! Да... «в вихре браво и оваций, в пестром смене декораций» сплошное «терафлю», дорогая Арина Родионовна...

— Вы просто устали, Семен Семенович. Такое напряжение. Отдохните, и все уладится.

— Может быть, док, может быть, — тяжело вздыхает Симбирцев, — а пока не уладилось, если вас не затруднит, подберите в секунд-хенде этому субъекту джинсы, пиджак и ботинки. Вот вам кредитка. Тысячи на три. Большого, однако, он не стоит! И вот еще что. По дороге зайдите в зоомагазин, купите недорогую клетку.

— Вы думаете, его удастся загнать в клетку, Семен Семенович, — недоумевает Бюргерталь, — я что-то в этом не уверена.

— Что вы, Арина Родионовна. Нет, конечно. Просто я у ветеринаров попугая заказал. Очень, должен отметить, перспективный материал для ревитализации. Обещали сегодня-завтра подвезти.

* * *

В профессорской столовой на экране большой плазменной панели новостной телерепортаж. Свет софитов, безвкусная компьютерная заставка, расставленные на столе микрофоны. В кадре двое: покрытая толстыми слоями пудры и грима известная нам молодящаяся теледама Вера Леонидовна и дергающийся от волнения председатель ТСЖ Шпindelъ. Дежурно улыбнувшись, дама начинает интервью.

— К нам в студию поступают сотни звонков. И все задают один и тот же вопрос: действительно ли в городе появилась некая говорящая свинья... господа, что я говорю, ну, конечно же, собака? Вам тот же вопрос, господин Штрудель.

— Шпindelъ! Моя фамилия — Шпин-дель! — обильно покрывается потом мужчина. — На самом деле я как председатель ТСЖ владею вопросом говорящей собаки. И, владея им, этим вопросом, готов поделиться этим вопросом с телезрителями. И я должен не только поделиться этим вопросом, но и навеять, в смысле, развеять все глупые слухи. Извините, я волнуюсь. Все эти Симбирцевы со своими сожителями Бюргертальями просто-напросто дураят народ! Полное безобразие!

— Так, все-таки есть говорящая сви... извините, собака? Что я все путаю? Или ее нет? — очередная профессиональная улыбка обращена в камеру.

— На самом деле нет никакой говорящей собаки, — немного приходит в себя Шпindelъ. — Чушь всё это! Вместо того чтобы регулярно платить за лифт, они просто мучают несчастных свиней, козлов и собак. Сейчас, говорят, и до попугаев добрались. Куда смотрит общество защиты животных? А самое страшное, что эту вредную деятельность еще прикрывают высокие чиновники исполнительной власти города. Что же получается — у нас опять в силе телефонное право, которого в странах с развитой демократией давно...

Щелчок. Телевизор выключается. Пропадают голоса Шпindelъа и теледамы. Семен Семенович, раздосадованный, отходит от телевизора, садится в кресло напротив доктора Бюргерталь.

— Я этого Шпindelъа, честное слово, удавил бы своими руками, — возмущается Симбирцев. — И пусть меня судят по всей строгости наших российских законов. Редкая, уж извините меня ради бога, скотина!

— Насчет сожителяницы, Семен Семенович, будем считать, я ничего не слышала.

— Спасибо, Арина Родионовна! И извините!

— Не обращайтесь внимания на идиота, берегите нервы. Прошу вас! — тщетно пытается успокоить профессора Бюргерталь.

— Нет, точно, удавил бы! И черт с ней, с клятвой Гиппократата, — Симбирцев стучит кулаком по столу, после чего немного унимается, — ладно, как там с гардеробом нашего Дружка? А то, честно говоря, смотреть на этот бурно формирующийся срам уже охоты нет. Представляю, вам каково?

— Ничего, всякого повидала, — деланно ухмыляется Бюргерталь. — А насчет гардероба, то он за две бутылки пива разрешил надеть на себя только рубаху и один носок. От всего остального отказался наотрез. Кричал: «Мест больше нету, с... дети!» Пел еще какую-то идиотскую песню, про бабушку. Вот послушайте. Долго жить будет... к несчастью.

Прислушиваются. Из-за стенки раздается: «У нее в кошельке три рубля. Моя бабушка курит трубку. Трубку курит бабушка моя...» — голос Дружка неприятен, хрипл, но не фальшив.

— Давайте-ка, док, этого певца в одном носке ко мне, — не дослушав куплет до конца, обращается к Бюргерталь Симбирцев. — Будем прохвоста со штанами объединять.

Бюргерталь выходит из кабинета и вскоре возвращается с Дружком. Пес уверенно держится на задних лапах. Одет в длинную до колен ночную рубаху, на левой ноге носок. Посмотрев на телевизор, оглушительно смеется.

— Что бы ему посулить такого вместо пива? — шепчет в ухо Бюргерталь Симбирцев. — Может, «Педигри»?

— Он теперь, Семен Семенович, увлеченно жрет скумбрию, — тихо отвечает Бюргерталь. — Appetit, надо заметить, гигантский!

Симбирцев вплотную подходит к псу и, грозно насунив брови, спрашивает:

— Почему в центре культурной столицы и без штанов?

— Я тебе покажу... «Ваниш», — неуверенно отвечает тот.

— «Ваниш», это вы, голубчик, потом кому-нибудь другому покажете, — голос Симбирцева становится мягче. — А вот что вы скажете сейчас относительно кусочка скумбрии?

— Терафлю на самом деле, — оживляется Дружок.

— Про терафлю это мы уже тоже слышали, — вновь демонстративно строг профессор Симбирцев. — А вот скумбрию в цивилизованном обществе, доложу вам, едят непременно в штанах. Это вам не осетрина. Уважаемая Арина Родионовна, дайте Дружку трусы, штаны и что там еще ему причитается.

Бюргерталь выходит из кабинета, затем возвращается с ворохом одежды в руках.

— Все китайское, Семен Семенович, но вполне приличного качества, сама бы носила, честное слово! Ровно на три тысячи. Как договаривались. Ну и клетка еще семьсот рублей. Попугаю вроде бы понравилась. Вот кредитка.

— В стол положите, — командует Симбирцев. — И давайте одеваться. Китайское так китайское. Не так уж и плохо. Сегодня главное, чтобы не турецкое.

Довольно длительный и временами забавный процесс одевания пса, неожиданно для всех его участников завершается полным успехом: Дружок в трусах, рубашке, джинсах и пиджаке. Потрогав брюки Семена Семеновича, широко улыбается и заявляет:

— Я китаец, ты еврей, у меня штаны модней.

Исполнив еще пару не слишком приличных куплетов, Дружок с гордым видом удаляется из кабинета. Буквально через мгновение за дверью что-то загремело и завизжало. Слышится громогласный вой Дружка, оглушительное шипение и крик «Пиастры!». Сломя голову профессор бросается к двери.

— Господи! Что там еще?!

— Похоже, до клетки с попугаем добрался! — летит туда же Бюргерталь.

— Он его прикончит! Делайте же хоть что-то.

— Шкафом, наверное, придавило, — безуспешно пытается открыть дверь Арина Родионовна, — не открывается, окаянная!

За стеной раздается грохот падающей мебели, звон разбитых стекол и шум бьющей под давлением воды.

— Они же всё там разнесут, — стучит кулаками в дверь Симбирцев. — А что это еще за шум?

— Похоже, кран в туалете сорвал, — приложив ухо к двери, резюмирует Бюргерталь.

— Ну всё, теперь весь дом затопит, — стонет Симбирцев, — а я сегодня как раз прием объявил. Арина Родионовна, сколько записано пациентов?

— Какой там прием?! — всем телом навалившись на дверь, вопит Бюргерталь. — Давите на ручку, Семен Семенович, а я попробую с разбега.

Профессор изо всех сил жмет на массивную бронзовую ручку, а Бюргерталь, разбежавшись от стола, обрушивается на дверь. Не выдержав напора, дверь падает.

В ее проем влетают профессор вместе с Бюргерталь. Еще громче слышны рычание и рев Дружка, исступленные вопли очумевшего попугая, крик Бюргерталь: «Воды-то сколько!» — и рассудительный возглас профессора: «Похоже, что сегодня принимать не буду».

* * *

Та же обитая серой тисненой кожей дверь в квартиру с табличкой «Профессор С. С. Симбирцев». Около двери нетерпеливо переминаются с ноги на ногу уже знакомые нам профессорские пациенты: Валентин Юрьевич, странного вида большой начальник с розовым лицом, и Вера Леонидовна, экзальтированная дама из сферы телевидения очень неопределенного возраста.

— Не знаю даже, что и делать, — озабоченно молвит дама, в очередной раз давя на кнопку звонка. — Звоню, звоню, никто не открывает?!

Мужчина прикладывает ухо к скважине замка.

— Шум какой-то? Как на правительстве! Может, есть смысл в иной день зайти?

— Но Семен Семенович сам мне на сегодня операция назначил, — недовольно делает губки бантиком Вера Леонидовна. — На три часа.

— Что, важная операция? — проявляет активный интерес мужчина. — По жизненным показаниям? Какая вы, однако!

— Еще по каким жизненным, молодой человек! — с охотой продолжает разговор дама. — И очень даже важная! По пересадке стволовых клеток яичников свиньи... господи, что я говорю, в смысле, чего-то там от львицы.

— Зачем вам чего-то там от львицы? — притворно изумляется мужчина. — Очаровашка!

— Ну... чтобы... быть чуточку посмелее, симпатяга.

— Вам ничего и ни от кого не надо пересаживать. — Мужчина обводит взглядом пышные контуры дамы. — У вас всё на месте и в достаточных количествах. Вы просто восхитительны! Я на вас смотрю и просто умираю. Смотрю и умираю. От чувств. Красотулька!

— Вы мне льстите, угодник! — кокетливо заводит глаза к потолку Вера Леонидовна. — Или, может быть, хотите воспользоваться моей неопытностью?!

— Попользуюсь с большим удовольствием, — охотно соглашается мужчина. — Я положительно очарован. Шалунья!

— Ах, проказник! Да как вы можете? Кстати, могу предложить воспользоваться еще и моей невинностью!

— Непременно надо воспользоваться! — крепко ухватывает даму за локоть Валентин Юрьевич. — Бэ-э-э! Только ради опыта... и не только! Пойдемте в салон... в смысле — в ресторан! Совратительница!

— Поехали, шалунишка! — носик дамы начинает морщиться, как будто она собирается чихнуть. — Хрю-хрю! У вас восхитительный цвет лица. Натуральный?

— Еще какой натуральный, — по-козлиному затряс подбородком мужчина. — У меня всё натуральное. Всё, всё! Как это там? Остались лишь воспоминания, все прошло... нет, это я не о том! Идемте! Обольстительница!

Нежно взявшись за ручки и жадно поедая друг друга влажными глазками, Валентин Юрьевич и Вера Леонидовна покидают знакомый нам подъезд. Звук их торопливых шагов, подобно перестуку копыт, еще долгое время эхом перекатывался по всем десяти этажам профессорского дома.

За окном кабинета профессора Симбирцева ранний темный вечер. Завывает промозглый январский ветер, валит густой нескончаемый снег. В кабинете же тепло, светло и как-то особенно уютно. Профессор читает толстый научный журнал, иногда делая массивным золотым «Паркером» пометки на полях. Бюргерталь за столом что-то набирает на компьютере. За стеной слышится пение пса: «У нее в кошельке три рубля. Моя бабушка курит трубку. Трубку курит бабушка моя...»

Семен Семенович прислушивается и, как обычно, фальшиво подхватывает:

— «Моя бабушка курит трубку, трубку курит бабушка моя...» Тьфу, прицепилась, вот окаянная мелодия! А где, кстати, он с утра был?

— Я не знаю, — отрывает глаза от монитора Бюргерталь, — последнее время он что-то в ТСЖ зачистил.

— Ладно, Арина Родионовна, будьте добры, позовите его сюда.

Входит пес. Пиджак порван, на коленке джинсов немалая дыра. На шее повязан розовый галстук с зелеными цветочками. В ухе огромная серьга.

— Откуда взялась эта мерзость? — отложил в сторону толстый журнал профессор. — Я говорю о серьге.

— Все и не мерзость, роскошная вещь, — Дружок любовно потрогал сережку в ухе, — мне ее сам Шпиндель подарил.

— Естественно, Шпиндель, — вступает в разговор Бюргерталь, — а кто же еще такую пакость мог подарить!

— Все и не пакость! Сейчас все такие носят, — насупил Дружок.

— Убрать эту пакость из уха, — взрывается Симбирцев. — Цирк какой-то. И прекратить плевать на пол и материться, в сотый раз прошу! С унитазом обращаться аккуратно. Освежителем воздуха пользоваться. А то, уж простите меня ради бога, в туалет не зайти без противогаса. Понятно?

Увлеченно поковыряв кривым указательным пальцем в волосатом носу, Дружок молча уставился глазами в потолок.

— Понятно ли, я вас спрашиваю? — окончательно выходит из себя профессор.

Дружок корчит обиженную гримасу и плаксивым тоном заявляет:

— Что-то вы меня, отец, совсем замордовали.

— Кто это тут вам отец?! — ревет Симбирцев, — что за фамильярности?! Чтобы я больше этого не слышал. Какой я вам отец? Называть меня по имени и отчеству!

— Да что же это такое?! — продолжая вертеть пальцем в носу, хнычет Дружок. — Туда не ходить. Сюда не плевать. Там не вонять. Хуже чем в метрополитене! Что ж это на самом деле вы мне собачью жизнь организовали?! Теперь уже и отцом называть нельзя. А кто вы? Мать Тереза? Вы отец и есть! Ухватили песика, ножичком голову покромсали, а теперь брезгают. У вас, кстати, есть нотариальное согласие на операцию? Я могу и в суд на вас подать! В арбитражный!

— Вы подадите на меня в суд за то, что я превратил вас из паршивого кобеля в человека? — чуть не теряет дар речи Симбирцев. — Невероятно, однако!

— Да что вы опять — кобель да кобель? Паршивый еще, — обижается Дружок. — А если бы я загнулся у вас на столе? Что тогда, папуля?

— Называйте меня Семен Семенович! — Щеки Симбирцева покрываются пунцовыми пятнами. — Я вам не папуля! Это ужасно!

— Уж конечно, куда мне? «С... сын», и все! — Дружок наконец извлекает палец из носа, внимательно его рассматривает и направляет в рот.

— Прекратите есть козявки! — орет Симбирцев. — Стыдитесь! А еще в арбитражный суд собрались! Надо же додуматься!

- Это вовсе и не я один додумался. И ТСЖ то же самое говорит.
- Отлично-с, — чуть успокаивается Семен Семенович, — итак, что говорит этот ваш драгоценный ТСЖ?
- То и говорит, чтобы я иск в суд подавал. И зря вы его драгоценным обзываете. Он мои права, кстати, защищает.
- Чьи права, разрешите справиться?
- Чьи? Права человека! — удивляется профессорской неосведомленности Дружок. — Чьи ж еще?!
- То есть выходит, что вы уже человек, полноценный субъект общества? — подает голос Арина Родионовна.
- За оскорбление субъектом можно и на вас иск подать, — заявляет в ответ Дружок.
- Вы уже второй иск намерены подавать, — грозно сверкает очками Симбирцев, — а сами козявки едите! Да у вас даже паспорта нет. А без паспорта иск не примет. Вот так!
- Это вы плохо обо мне думаете. Как нет? — Дружок достает из кармана документ. — Вот паспорт. Российская Федерация. Не какой-то там американский!
- Что за бред? — возмущается профессор. — Ну-ка дайте посмотреть!
- Дружок, гордо поправив галстук, передает Семену Семеновичу документ.
- Прошу. Читайте, завидуйте...
- Дружков, — изумленно читает Симбирцев, — Андрей Малахович, что за идиотизм?
- Теперь еще и идиотом обзываетесь, — вновь обижается Дружок. — Опять неуважение к правам человека. Лучше бы за лифт вовремя платили!
- Ну, предположим, вы Малах Андреевич или, как там вас, Андрей Малахович. — Семен Семенович утирает пот со лба, — Но позвольте узнать, где же вы эту липу раздобыли?
- Обижаете, это вовсе и не липа. Все настоящее, даже подписи и печати. В солидной фирме купил. По объявлению.
- По объявлению?! — еще больше изумляется Симбирцев.
- Это, Семен Семенович, дело плевое, — Дружок достает из кармана толстую газету. — Вот пожалуйста: дипломы любого вуза, права автомобильные, санитарные книжки, удостоверения лауреата Нобелевской премии (подлинные), а вот и паспорта — гражданство любое. Российские самые дешевые, двадцать пять тысяч всего. С доставкой на дом. Ветеранам труда скидки.
- Двадцать пять тысяч?! — хватается за голову Бюргерталь. — Где же вы такие деньги раздобыли?
- Скажите, я похож на полного идиота, чтобы деньги платить?
- А как же тогда? — недоумевает Симбирцев.
- За деньги, папуля, — запанибратски похлопывает Симбирцева по плечу Дружок, — любой баран купит, а я совершенно бесплатно несколько цифр набрал, и все.
- Каких цифр? — хватается за сердце Симбирцев.
- Дружок берет со стола и гордо демонстрирует профессорскую кредитную карточку:
- Всего одно касание, и подгузники ваши!
- Паспорт падает из рук Семена Семеновича на пол, а у доктора Бюргерталь зависает компьютер.
- Цифирки набирать вам тоже этот паршивец Шпиндель посоветовал? — еще находит в себе силы съязвить Симбирцев.
- Шпиндель совершенно не паршивец, — встает на защиту своего товарища Дружок. — Он даже книжки читает.

— Ах, он еще и книжки читает! — не выдерживают нервы у Симбирцева. — А ну марш за этим Шпинделем. Сейчас я его убивать буду.

— Шпиндель очень даже хороший... — испуганно лепечет Дружок.

— Марш! Немедленно! — орет Симбирцев. — Одна лапа тут, другая там!

Перепуганный Дружков покидает кабинет. Профессор Симбирцев протирает платком запотевшие очки. Доктор Бюргерталь пытается реанимировать зависший компьютер. Вскоре открывается дверь, и в кабинете появляется председатель ТСЖ Шпиндель. Дружков предусмотрительно прячется за его спиной.

— Я, Семен Семенович, помню, обещала вам спустить с лестницы этого молодого человека, — грозно встречает Шпинделя Бюргерталь. — Указание остается в силе?

— В дальнейшем всегда именно так и поступайте, Арина Родионовна, только на сегодня исключение, — остужает порыв Бюргерталь профессор.

— Довольно странно, профессор, — обиженно бубнит Шпиндель, — я, как-никак, представитель домового власти, ответственное лицо. А вы с лестницы...

— Именно с лестницы, — грозно заявляет Симбирцев. — А пока вы еще тут, мне интересно выслушать объяснения вашего мерзкого поступка. Очередного, кстати.

— Извините, профессор, — переходит в атаку Шпиндель, — не надо с большой головой на мою, вполне здоровую. Это не у меня, а у вас в квартире проживал бездокументный жилец! Что запрещено законом.

— И поэтому с моей кредитки надо было снять двадцать пять тысяч?

— Я всего лишь предложил, профессор, — отзывается Шпиндель, — а претензии, пожалуйста, к сыночку. На кнопки он нажимал!

— Какой к чертям «сыночек»? — взрывается Симбирцев. — В гробу я видел такого сыночка.

— Простите, профессор, но ведь это вы Дружкова собственноручно сделали в вашей квартире. Значит, сынок. И генетической экспертизы не надо.

— Черт, — искренне огорчается Симбирцев, — глупее ничего себе и представить нельзя. Как это я его сделал в квартире... да еще и собственноручно?

— Профессор! — продолжает наступление Шпиндель. — Чем вы там его делали, это мне без разницы. Со свечой не стоял. Но на самом деле ведь вы провели операцию и создали гражданина Дружкова. А о документе не позаботились. К великому сожалению!

— Зачем ему документ?

— Документ — самая важная вещь на свете. Тем более паспорт. Кстати, профессор, — озаряется лицо Шпинделя, — без паспорта Дружкову и на выборы не сходить, и в армию его не призвать. Как же он тогда будет исполнять свой почетный долг: Родину защищать!

— Не буду я ее защищать! Не хочу! — недовольно хмурит лоб Дружков. — Мне вообще белый билет полагается. Вон всю башку искромсали. И между ног тоже ковырялись. Садисты! С ними жить вообще стало невозможно. На пол не плевать, козявки не есть, в туалете не вонять... в Эрмитаж даже не отпускают. И постоянно — то дурак, то идиот. А сами хулиганят! Недавно чуть весь дом не затопили на самом деле. Олигархи хреновы.

— Знаете, Дружков, — не выдерживает Бюргерталь, — я за всю жизнь не видела более наглого прохвоста, чем вы.

— Дружков, — вопрошает Симбирцев, — скажите мне, пожалуйста, может, это мы с Ариной Родионовной, задрав хвосты, гонялись по всей квартире за попугаем, пока его дверью не пришибло? Наверное, это мы кран в туалете оторвали и всю квартиру затопили? Не стыдно?! Дикарь!

— Вот видите, то дурак, то дикарь всегда только я получаюсь, — обиженно бубнит Дружок, — хотя попугая того вы сами дверью придавили! Не я вовсе. Попугай, правда, тоже хорош был: кобелем меня обзывал, на галстук еще нагадил. В общем, попугая этого тоже терпеть в квартире было невозможно.

— Под «тоже» это вы нас с профессором подразумеваете? — высказывает догадку Бюргерталь.

— Это черт знает что такое! — не в силах более сдерживать гнев, кричит профессор. — Нет, если уж я его породил, то я его тогда и убью! Притом прямо сейчас!

— Правильно! Собаке собачья смерть, — соглашается с Симбирцевым Бюргерталь.

— Простите, граждане, — менторским тоном заявляет Шпиндель, — но это уже прямая угроза. Статья сто вторая, часть вторая. Еще раз подобное услышу и буду реагировать. К величайшему сожалению. Прощайте, профессор!

И с видом победителя Шпиндель покидает кабинет.

* * *

Разбуженные хлопком закрывшейся за председателем ТСЖ Шпинделем двери бьют пять раз часы. Все трое обитателей профессорской квартиры, молча и не глядя друг на друга, переходят из кабинета в столовую, садятся за обеденный стол.

— Аппетит только испортил, подлец, — сокрушается Симбирцев. — Ладно, давайте обедаем!

Бюргерталь и профессор берут в руки столовые приборы. Дружков, не успев сесть, хватает руками со стола кусок ветчины.

— Вы опять перед тем, как сесть за стол, руки не помыли, — останавливает Дружкова Бюргерталь.

— Сколько можно мыть, — глотая обильную слюну, скулит Дружков, — не в бане.

— Спасибо, док, — кивает головой Симбирцев, — а то я уже устал делать ему замечания.

— Я утром мыл, — продолжает скулить Дружков, успевая засунуть в рот ветчину.

— Все равно не разрешу есть, пока не помоете, — твердо стоит на своем Бюргерталь. — Сейчас отберу рюмку, и все.

— Вот еще, — оглушительно возмущается Дружков. — Как это отберете? Ладно, пес с вами, помою.

Окинув презрительным взглядом сотрапезников, Дружков нехотя уходит мыть руки. Из ванной слышатся его ворчанье и звук плещущейся из крана воды.

— Еще раз услышу «пес с вами» — выдеру ремнем, понятно? — громко негодует Симбирцев.

— Так тут он прав, Семен Семенович, — вполголоса изрекает Бюргерталь. — Пес с нами и есть!

Тем временем возвращается из ванной Дружков и, продемонстрировав ладони, вновь садится за стол. Незамедлительно лезет пальцами в тарелку.

— И вилкой, пожалуйста, — требует Бюргерталь.

— Ладно, могу и вилкой, но тогда я еще водочки выпью.

— Торги здесь неуместны, — философски изрекает профессор, — чай, не в Думе.

— Чаю мне не надо, — пугается Дружок, — я уж лучше водочки.

— А не хватит? Вы последнее время излишне начали водкой увлекаться, — замечает Бюргерталь.

— Родному, можно сказать, человеку водки вашей поганой жалко, да? — хнычет Дружок.

— Родственничек нашелся... — про себя ворчит Симбирцев.

— Вы, Дружков, чепуху несете, — возмущается Бюргерталь. — Во-первых, водка далеко не поганая и, во-вторых, не моя, а Семена Семеновича! А мне вообще чужого никогда не жалко! Просто пить много вредно. Особенно вам. Вы ведь и трезвый ведете себя как кобель.

Дружков тем временем, злобно покосившись на Бюргерталь, налил себе рюмочку до краев и мгновенно выпил.

— Сначала надо другим предложить, а уж затем себе наливать, — делает очередное замечание Бюргерталь.

— Вот тут я вполне с вами солидарен, — разливая водку по рюмкам, неожиданно соглашается Дружков. — Тут у нас с вами консенсус получается. Водочка льется, человек смеется! Ну, желаю, чтобы всё...

— И вам не хворать... — поднимает рюмку Бюргерталь.

Дружков вновь профессионально выплескивает водку в глотку, морщится, нюхает лацкан пиджака, а уж затем громко проглатывает.

— Опыт! — внимательно наблюдая за поведением Дружкова, заключает профессор.

— Не поняла... Семен Семенович, — удивляется Бюргерталь.

— Опыт, Арина Родионовна, — качает головой Симбирцев, — тут уж ничего не поделаешь. Паша Кочерыжкин, депутат наш!

— Вы так считаете, Семен Семенович? — широко открывает глаза Бюргерталь.

— Уверен! Заметили, как он лацканом занюхал? Там, где депутатский значок! А про консенсус! Паша, кто ж еще!

— Неужели...

Тем временем Дружков, тяжело вздохнув, быстро наливает себе еще полную рюмку водки.

— Все! Хватит! Убираем водку, — командует Симбирцев.

Бюргерталь забирает со стола водку и относит ее в шкафчик барной стойки.

— Ну вот, только во вкус вошел! — расстраивается Дружков.

— Ничего, как вошли, так и выйдете, — сверкает очками профессор.

— Чего ж тогда делать? — задумывается Дружков.

— Больше, как водку пить, делать нечего? — с сарказмом спрашивает профессор.

— Почитали бы чего-нибудь, — со своей стороны предлагает Бюргерталь.

— Да уж и так читаю, — устало заявляет Дружков.

— Кого же вы читаете? — удивляется Симбирцев.

— Этого, как его, гада, — Дружков хлопает рукой по лбу, — Зигмунда Фрейда. «Три очерка по теории сексуальности». Вот!

Доктор Бюргерталь, немного не успев донести до рта кусок мяса, роняет его на скатерть, а Семен Семенович, подавившись куском колбасы, закашливается. Воспользовавшись неожиданно предоставленной паузой, Дружков быстро проглатывает водку.

— Позвольте поинтересоваться о ваших впечатлениях по поводу прочитанного, — охрипшим голосом спрашивает профессор.

— Не знаю, мне нравится, — пожимает плечами Дружков.

— И что же вам там понравилось? — недоумевает Бюргерталь. — Хотя нет, лучше уж не надо.

— Доступным языком написана, — делится впечатлениями Дружков, — и картинки хорошие. Жизненные.

— Может, вам лучше было бы с «Каштанки» начать... — никак не может откашляться Симбирцев.

— Лучше бы сразу с «Му-му», — зло добавляет Бюргерталь.

— «Му-му», «Каштанки» всякие — это все классика, — понесло Дружкова, — скучно, длинно и без картинок! Взять хотя бы «Войну и мир» Лермонтова. И что?

Ее за год не прочтешь. А во все школьные программы пихают и пихают. Я бы классику оттуда вообще удалил. Шекспировых разных, Мусоргских, Донцовых...

— Класс! — восторгается профессор.

— А вот основы сексуального воспитания детей я бы в программы добавил, — благодарно кивая Симбирцеву, продолжает Дружок. — Того же Фрейда, к примеру. Надо про эту идею Владимиру Владимировичу написать.

— По-моему, Дружок, на вас эта теория не совсем хорошо действует, — профессионально замечает Бюргерталь.

— Действует как на любого нормального мужчину! — не соглашается с доктором Дружок.

— Очень даже плохо действует! — взрывается профессор. — Разве нормальный мужчина, если он только, конечно, не начитался Фрейда, будет прыгать по всей квартире за несчастным попугаем, ломая двери и срывая краны?

— И еще, Дружок, вы вчера укусили даму на лестнице, — рада добавить Бюргерталь.

— Так она мне сама по морде заехала. Ей, что, можно, а мне вообще ничего нельзя? — ноет Дружок.

— Потому что вы ее за... за... за заднее место ушипнули, — негодует Бюргерталь.

— Точно! Влияние «Теории сексуальности». Тем паче усиленное нашей рокировкой придатков, — подводит итог спора профессор. — Все, книгу выкидываем, немедленно! И еще, милая Арина Родионовна, во избежание новых инцидентов с дамами ему надо бы запретить пользоваться парадной лестницей. Да и сами, Арина Родионовна, поаккуратнее с этим кобелем. У него же в собачьем мозгу семенная жидкость депутата! Да еще и алкоголика. Представляете, как такая смесь разыграть может. Кошмар! В общем, умоляю вас, не расслабляйтесь! А для вас, Дружок, с этого дня только черный ход. Уж простите, ради бога. Понятно?

— Вот еще чего выдумали! — жалостно хнычет Дружок. — Зачем мне черная лестница? Опять ущемление в правах — чем я хуже других?

— Хуже, Дружок, намного хуже! — чеканит слова Бюргерталь.

— Вы, Дружок, задержались на низшей стадии человеческого развития, — стучит кулаком по столу Симбирцев. — Ниже некуда! Вы глупы, необразованны, невоспитанны, все ваши поступки чисто животные. Кобелиные, я бы уточнил! И вместе с тем у вас хватает наглости в присутствии двух людей с университетскими дипломами рассуждать о проблемах вселенского масштаба. Одновременно продолжая мочиться мимо унитаза!

— Устала подтирать, — вновь рада прибавить Бюргерталь.

— Короче, — резюмирует профессор, — чтобы больше этого Фрейда я здесь не видел. Ни живого, ни мертвого! С вашими некоторыми физиологическими особенностями он вообще непонятно, на какой придаток и как действует. Короче, Фрейд вам вреден! президенту он, видите ли, напишет! В гробу президент видел вас с вашей идеей. В гробу и белых тапочках!

— Это вы зря так о президенте! — строго изрекает Дружок.

— Кстати, не сомневаюсь, что именно Шпиндель вас обеспечил этой литературой, — вновь вскипает Симбирцев. — Я его все-таки убью.

— Всех не поубиваете! — героически нахмутив брови, заявляет Дружок.

— Поубиваю, поубиваю! — твердо стоит на своем Симбирцев.

— Все у вас прохвосты, идиоты, дураки, болваны, — неожиданно взвизгивает Дружок. — Думают, они одни с университетскими дипломами ходят. Сами купили небось на том же сайте и воображают. Кстати, дешевле водительских прав стоят. На самом деле.

— Пошли вон! На самом деле! — устало шепчет профессор Симбирцев.

Бюргерталь вытаскивает за шиворот из профессорского кабинета упирающегося Дружкова, а Семен Семенович, нервно напевая «Помнишь ли ты...», достает из верхнего ящика стола рентгеновский снимок с изображением странного вытянутого черепа и, нахмурившись, рассматривает его на свет.

— Боюсь, что иного выхода нет! — очень тихо, почти про себя рассуждает профессор Семен Семенович Симбирцев.

* * *

За окнами поздний промозглый вечер. Валит февральский снег, снуют редкие тени дрожащих на морозе пешеходов, мельтешат припозднившиеся машины, отбрасывая свет фар на стены профессорской столовой, в которой уже не один час подводят финансовые итоги прошедшего трудового дня Симбирцев и Бюргерталь. Судя по довольному выражению лиц и плотным колонкам трехзначных цифр на экране ноутбука, кошельки их многочисленных клиентов сегодня основательно похудели. Правда, благостное настроение пары длится недолго. Открывается дверь. С идиотской улыбкой на лице в столовую вваливается вдребезги пьяный Дружков. Он еле держится на ногах и, постоянно икая, напевает: «Моя бабушка курит трубку...»

— Здравствуйте. И с какой бабушкой вы так насобачились? — изумляется Бюргерталь.

— Почему так сразу и с бабушкой? — заплетающимся языком негодует Дружков. — Может, я с приличной дамой в ресторане был!

— На какие, интересно знать, деньги вы приличных дам по ресторанам изволите водить? — буравит взглядом пьяного Дружка профессор.

— Что мне, пару тысяч деревянных на даму жалко? — неуверенно отвечает Дружков.

— Конечно, чего их жалеть? Каких-то пару тысяч, которые у меня вчера вечером из верхнего ящика стола пропали, — заводится Симбирцев.

— Мне ваших денег даром не надо. И слышать это обидно на самом деле! Категорически! И почему как что, так сразу Дружков. Между прочим, я не один в квартире.

— Ага! — легко подхватывает намек профессор. — Быть может, это Арина Родионовна стибрила? На нее так похоже!

— А почему бы и нет? — не улавливает подвоха Дружков. — Бюргерталь, ты не брала денег?

— Кто?! Я?! — перед тем как онеметь, резко меняется в лице Бюргерталь.

Воспользовавшись нависшей тяжелой паузой, Дружков быстро подсакивает к буфету, наливает до краев стакан водки и мгновенно выпивает.

— Нет уж, — выходит из оцепенения Бюргерталь, — вы меня по имени-отчеству, пожалуйста, называйте: Арина Родионовна. И на «вы»!

— Ах, Арина Родионовна! — пьяно склбится Дружков, — тогда давай выпьем! — наливает полный стакан водки, несет его к Бюргерталь. — Выпьем, добрая старушка бедной юности моей... не хочешь? Ну, тогда и ты меня называй по имени и отчеству и по должности! Вот визитка. Извольте, — подает золоченую визитку Бюргерталь.

— Дружков Андрей Малахович, — вслух читает Бюргерталь. — Председатель комитета по уничтожению котов. Сокращенно ПУК. Электронная почта: Дружков собака ру.

— Вот так и обращайтесь! Председатель ПУК, — надменно поднимает палец вверх Дружков.

— Нет, — срывается на крик профессор, — не допущу никаких ПУКов в моей квартире. Так же как не позволю обижать Арину Родионовну!

Дружков тем временем пытается налить себе еще водки.

— Хватит! Алкаш! — успевает выхватить из его рук бутылку Бюргерталь. — Шел бы ты к своей приличной даме ночевать! Утром придешь, тогда поговорим.

— Вот еще! Никуда я не пойду. На самом деле.

— Как это не пойду? — возмущается профессор. — Это моя квартира, и я решаю, кому быть здесь, а кому нет.

— Фига вам! — Дружков вытаскивает из кармана бумагу с печатью. — Я тут прописан! Вот! Форма номер девять. Зачитываю: «Гражданин Дружков А. М. зарегистрирован в квартире номер пять на площади в пятнадцать квадратных метров. Примечание: с отдельным входом с лестницы со двора». Вот печать и подпись.

— Дайте-ка взглянуть, чья там подпись? — тянет руку Симбирцев. — Естественно! Чья же еще подпись? Нет, этого Шпинделя я точно застрелю.

— Семен Семенович, — пытается успокоить Симбирцева Бюргерталь.

Но профессор не желает успокаиваться:

— Прописан! Туалет вами прописан, это точно! Хорошо-с... гражданин Дружков А. М., пусть будет так. Но тогда уж извольте с этих пятнадцати метров носа своего собачьего не высовывать! Понятно?! Осмелюсь предположить, что в этой гениальной форме под номером «девять» не написано, что вам можно мочиться мимо унитаза в моем туалете, что я обязан вас кормить, одевать, что я вообще обязан вас видеть, слышать, извините ради бога, нюхать...

— А как же я без туалета? — пугается Дружков.

— Вот тогда и ведите себя достойно, — отзывается Бюргерталь.

— Достойно, недостойно... ты меня уважаешь, док?

Судя по всему, Дружкова окончательно развезло. Он пытается приобнять Арину Родионовну, но промахивается и, упав на пол, начинает беспрерывно икать, затем бледнеет и громко, на всю квартиру отрыгивает.

— Плохо ему! — хватается за сердце профессор. — Тазик ему надо принести. Да и мне чего-нибудь от сердца. Плохо и мне!

— Без тазика обойдется, — грозно закатывает рукава Бюргерталь, — скотина. Обниматься еще лезет! Кончено. Есть здесь у нас чего-нибудь тяжелое? Сейчас я его грохну!

— Не надо, Арина Родионовна! — пытается остудить пыл коллеги профессор.

— Надо, Сеня, надо! Не допущу, чтобы ко мне какой-то пьяный кобель приставал. Да и ваше здоровье страдать не должно!

Доктор Бюргерталь правой рукой берет Дружкова за шиворот, а левой отвешивает ему смачную пощечину.

— Вы не имеете права бить меня по морде лица! — мгновенно трезвея, мотает головой Дружков. — На самом деле. Я на вас жалобу в ТСЖ напишу. В трех экземплярах.

— Я вам покажу, милейший, в трех экземплярах! — Симбирцев крепко хватается Дружкова за шиворот и волочит его к дивану. — Протрезвейте только «в вихре браво декораций». Сразу писать разучитесь! Вам понятно, кобель! Уж извините меня ради бога!

Вместо ответа Дружков предпринимает попытку лягнуть левым ботинком Семена Семеновича в пах, но не попадает. Вскоре с дивана слышится оглушительный храп, прерываемый отборным матом, икотой и криком: «Дави котов!»

На экране телевизионной панели знакомая нам молодящаяся дама зачитывает последние вечерние новости.

Дама: ...Вот такие обнадеживающие вести с очередного заседания Государственной Думы... Еще одно громкое дело о махинациях с недвижимостью. На этот раз Следственный комитет неопровержимо доказал факт продажи по заниженной цене здания Большого театра в Москве. Подробности в ночном выпуске... Новое назначение в городской администрации. Председателем Комитета по уничтожению котлов, сокращенно ПУК... господа, что я говорю?.. хотя нет, именно ПУК, назначен гражданин Дружков... мы записали первое интервью с новым руководителем комитета: «Уважаемый Дмитрий Нагиевич... господа, опять не туда, уважаемый Андрей Малахович, что вы считаете самым главным в своей новой должности?»

Дружков: Самое главное — это очистить улицы нашего прекрасного города от котлов. Наш профессиональный лозунг: «В культурной столице ни одного живого кота!» И это непоколебимо!

Дама: Да, понятно, «непоколебимо», господа, что я говорю? Может быть, «непоколебимо»?

Дружков: Это на самом деле без разницы. Главное, что мы с честью выполняем возложенную на нас ответственную задачу: вчера котлов душили, душили...

Гаснет в профессорской квартире экран плазменной панели, затихают голоса из телестудии, уступая место солирующему с дивана пьяному храпу Дружкова. Семен Семенович Симбирцев с серебристым пультом в руке отходит от телевизора:

— Я больше не могу на это смотреть! Кто его в этот ПУК устроил?

— Догадитесь с трех раз, Семен Семенович! — невесело вздыхает Бюргерталь.

— Да, вы правы, док! Кроме Шпинделя, больше никому! — Профессор устало направляется к дивану, внимательно всматривается в спящего Дружкова:

— «Помнишь ли ты...» Черт меня возьми! Собственными руками превратить симпатичную дворнягу в такую мерзость! В жизни себе не прощу!

— Но ведь это величайшее открытие, — нерешительно возражает Бюргерталь, — на Нобелевскую тянет!

— Нобелевскую, Арина Родионовна, этот прохвост раньше нас поимеет. А насчет открытия, то вполне допускаю, что теоретически это интересно. Ну, а практически? Кто теперь перед нами?

Профессор указывает пальцем в сторону оглушительно храпящего Дружкова.

— Пьяная морда! — резонно заключает Бюргерталь.

— Правильно! — немедленно соглашается с коллегой Симбирцев. — Но кто он?! Кто?! А он Кочерыжкин Павел. Двадцать девять лет. Алкаш. Депутат. «Консенсус». «Путину напишу». «Дави котлов» и пропавшие две тысячи. Всё!

— Господа, Семен Семенович, теперь я начинаю догадываться, что может выйти из этого Дружкова! — хватается за голову Бюргерталь.

— Уже вышло, дорогая Арина Родионовна! Вышло! Да ничего другого и не могло получиться из субъекта, у которого сперма в мозгах, а интеллект в паху! Вашими, надо сказать, молитвами! И что там от человека, а что от пса осталось, тоже хрен разберешь!

— Человек с собачьим сердцем, — ужасается Бюргерталь.

— Самое страшное, милая моя Арина Родионовна, что сердце Дружкова само по себе здесь и ни при чем. Неважно, собачье там оно или человеческое. Страшен сформировавшийся индивидуум в целом! Вот этот! Скверный и гадкий! И тут уже современная медицина бессильна. Вот такая печальная картина складывается!

Ладно, — Симбирцев берет под локоток Бюргерталь, — пойдете в кабинет. А то я просто не могу больше слушать этот храп. Ужас какой-то!

Доктор Арина Бюргерталь заметно бледнеет.

— Так что же нам делать? — испуганно спрашивает она Симбирцева, послушно следуя за ним в кабинет. — Я, конечно, не смею вам советовать, но, Семен Семенович, как я понимаю, у нас есть всего один выход. — Бюргерталь проводит указательным пальцем вокруг шеи.

— Совершенно недопустимо! — не слишком уверенно возражает Симбирцев. — Мы с вами давали клятву Гиппократата. И она непоколебима!.. тьфу ты... в смысле непоколебима!

— А я уверена, что другого выхода нет, — чуть ли не впервые не соглашается со своим кумиром доктор Арина Родионовна Бюргерталь, — все равно черного кобеля не отмоешь добела!

Как-то по-особому тревожно часы в профессорском кабинете бьют девять раз, и одновременно нетерпеливый звонок в дверь прерывает затянувшийся профессиональный спор двух медиков. Доктор Бюргерталь выходит из кабинета и вскоре возвращается с известной нам телевизионной дамой сложного возраста.

— Здравствуйте, профессор, — от души радуется встрече дама.

— Здравствуйте-то, здравствуйте, — недовольно смотрит на часы Симбирцев, — но простите, голубушка, уже десятый вечера, а мы работаем до шести.

— Так я днем в понедельник приходила, как договаривались, — лепечет дама, — никто не открыл...

— И что, сударыня? — рассеянно удивляется Симбирцев.

— Вот я и пришла узнать — как?

— Что как? — продолжает недоумевать профессор.

— Я о ствольных клетках яичников.

— О каких еще яичниках?

— Львицы, ах, что я говорю... свиньи... если уж других никак нельзя... — путается дама.

— Вера Леонидовна, — на помощь оцепеневшему профессору приходит Бюргерталь, — извините нас. Столько всего навалилось... как только клетки завезут, мы с профессором вас незамедлительно известим.

— Хотелось бы быстрее! — томно вздыхает дама.

— Конечно, конечно, — выходит из прострации Симбирцев, — а пока я могу дать вам пилюли из экстракта матки молодой свиньи. Арина Родионовна, будьте добры. В шкафу на седьмой полке.

Бюргерталь открывает стеклянную дверцу, отсчитывает нужную полку:

— ...Шестая, ага, вот и седьмая! Не вижу чего-то. Как они выглядят?

— Пилюли как пилюли, — руководит из-за стола Симбирцев, — в баночке из-под чая. На ней еще «Кофе» написано. Левее бутылки с «Яичным ликером».

— Есть, — извлекает из шкафа нужную баночку Бюргерталь, — нашла. Только вот яичного ликера, Семен Семенович, уже дней пять как нет. Его Дружков Шпинделю на день работника ЖКХ подарил. Я возражала, но сами знаете...

— Неплохой такой Шпинделю подарочек, — злорадно ухмыляется Симбирцев. — Отчасти яичный, но уж никак не ликер! В бутылке, дорогая Арина Родионовна, я хранил концентрированный раствор спермы нашего попугая. Царство ему небесное. Так-то вот! Ладно, ну что же вы застыли? Пилюли-то отдайте Вере Леонидовне.

Бюргерталь вручает сияющей хоть что-то осмыслить даме пакетик с пилюлями:

— Полагаю, ваш студент будет доволен.

— Какой студент? — удивляется совсем обалдевшая дама. — Ах да, но я с ним уже рассталась. Он украл у меня айпед и снял все деньги с кредитки. А потом сбежал. Такая сволочь. Пришлось его бросить. Теперь у меня очень ответственный человек. Герой! Участвовал в миротворческой миссии в Абхазии. Там ранен в голову. И тоже патологически молод. Кстати, живет в вашем доме. Лестница со двора.

— Со двора, говорите? — еще не смекает Симбирцев. — И кто же этот счастливчик?

— У него очень красивое медийное имя... — с дрожью в голосе произносит дама, — его зовут Андрей Малахович! Он обещал на мне жениться.

Чашечка с кофе выскальзывает из рук профессора. Ударившись о ножку стола, она разлетается на мелкие кусочки. Бюргерталь громко и густо закашливается и долго не может прийти в себя. Счастливая дама, бросив игривый взгляд на ошалевшего Семена Семеновича, удаляется.

* * *

— Вот уж точно, — убедившись, что за дамой хлопнула входная дверь, — невесело изрекает Симбирцев, — свинья грязи всегда найдет!

— Семен Семенович, а если у них будет ребенок? — ужасается Бюргерталь.

— С этими пилюлями оценится обязательно. Боюсь, и не одним! Не будем забывать, Арина Родионовна, что семейство псовых довольно плодovито. А тут еще и свиноматка, простите меня ради бога, будьте нате! Так что начнут интенсивно размножаться, ассимилировать, мигрировать...

— Это ужасно! Представляю, кругом всякие там Дружковы, Тузиковы, Жучковы, — подхватывает Бюргерталь.

— Да, и что особенно страшно, — тяжело вздыхает Симбирцев, — они легко прорвутся во власть! Потому что тоже наглые, лживые и беспринципные. И будут, как они сами изволят выражаться, пилить бюджеты. А еще брать взятки, мочиться мимо унитазов и петь песни. Вот такая перспективка, моя дорогая Арина Родионовна.

— Неужели так будет? Это ужасно!

— Скажите, драгоценная Ариночка Родионовна, — Симбирцев на мгновение задумывается, — вас не смущает, как называется наш главный почтовый адрес страны?

— Не совсем вас понимаю, — смущается Бюргерталь.

— Президент собака ру. Вот так, милая Арина Родионовна. Вот так!

— Выходит, я права, — вновь проводит указательным пальцем себе по шее Бюргерталь, — другого выхода нет!

— Теперь даже и не знаю! Но нет, только не то, что вы предлагаете.

Профессор Симбирцев достает из ящика стола рентгеновский снимок, задумывается:

— Возможен, Арина Родионовна, иной вариант. Судя по всему, док, необратимой диффузии пока не произошло, и еще можно провести восстанавливающую операцию. Но все равно не знаю, уважаемая Арина Родионовна! Не знаю!

Старинные часы профессорского кабинета тревожным боем отсчитывают до десяти. Вновь раздаётся звонок в дверь. На этот раз Бюргерталь возвращается в кабинет со знакомым нам пациентом с розовым лицом.

— Неужели что-то не в порядке, Валентин Юрьевич? — заботливо встречает важного пациента профессор. — Все же было отлично! Давайте за ширму, снимайте штаны, голубчик, посмотрим!

— Не надо штаны... — мнется пациент, — там, профессор, все в полном порядке. Я вам очень благодарен! Хочу вам по секрету сказать.

Пациент кивает в сторону Бюргерталь. Арина Родионовна, поняв намек, выходит из кабинета.

— Вчера в «Дюймовочке», вы не представляете три, нет, четыре... хотя, если честно, — спохватывается высокопоставленный пациент, — то я по другому вопросу. Семен Семенович... тут вот какое весьма щекотливое дельце...

— Вы о чем, Валентин Юрьевич?

Пациент молча достает из кармана пиджака бумагу и отдает ее Симбирцеву:

— Хорошо, что мне непосредственно попала... читайте.

Семен Семенович, нацепив очки, принимается читать:

— ... Так... ага... произносят экстремистские лозунги, угрожая убить меня и председателя ТСЖ Шпинделя, и даже неуважительно говорили о В. В. Путине, употребив выражение «в гробу в белых тапках». Прошу принять срочные меры! Председатель ПУК А. М. Дружков.

— Валентин Юрьевич, — снимает с носа очки профессор, — я могу оставить эту гадость у себя? Или, виноват, может быть, вы должны приобщить ее к делу?

— Семен Семенович, — обижается пациент, — вы уж совсем плохо обо мне думаете.

— Ну, извините, мой дорогой. Просто он меня уже, как бы точнее выразиться, достал...

— Но какой все-таки паразит! — возмущается пациент. — Кстати, можно на него взглянуть? Как Кутузов говорил — хоть бы одним глазом. А то по всем телеканалам разное говорят.

— Нечего там смотреть, — останавливает гостя профессор. — Да и зачем вам психологическая травма, Валентин Юрьевич, — многозначительно кивает в сторону паха пациента, — это и на объекте нашей терапии может сказаться.

— Не дай бог! — пугается пациент, — в общем, Семен Семенович, будьте бдительны. Сегодня эта бумага мне в руки попала. А завтра? Замучают потом всякие проверки да комиссии. Сами знаете, где живем...

— Спасибо, Валентин Юрьевич, — жмет руку пациенту профессор, — теперь я ваш должник.

— Теперь мы квиты. Вы кудесник, профессор! Вчера, вы не поверите... четыре раза... нет, пять... я уже даже не считаю, — сладостно причитает пациент, — прощайте, профессор. И будьте осторожны.

Закрыв за неунывающим высоким гостем дверь, Бюргерталь возвращается в профессорский кабинет, тревожно вглядывается в осунувшиеся глаза Симбирцева:

— Чую, Семен Семенович, не лучшие вести вам принесли?

— Арина Родионовна, — вместо ответа просит Симбирцев, — если вас не затруднит, разбудите, пожалуйста, Дружкова.

Бюргерталь выходит из кабинета. Через пару минут из столовой слышится ее озобоченный голос:

— Трясу его, трясу, никак не просыпается. Котами от него несет! Фу!

— Нашатыря ему на морду налейте, — появляется в спальне с рентгеновским снимком в руках профессор, — Вон баночка, рядом с хлороформом.

— Мне кажется, что хлороформ нам бы тоже не помешал! — Бюргерталь продолжает трясти за плечи Дружкова.

— Давайте-ка помогу, — профессор берет в руки полотенце и изо всех сил хлещет им Дружкова по лицу.

Совместные реанимационные усилия двух опытных медиков вскоре приносят положительный эффект: Дружков пробуждается и осоловело смотрит то на Симбирцева, то на Бюргерталь.

— Быстро лапы в руки и с вещами на выход! — не давая опомниться руководителю ПУКа командует Симбирцев.

— Не понял! — мычит с дивана Дружков.

— Немедленно вон из квартиры!

— Как это так?

— Вон!

— Да что такое, в самом деле? — начинает приходить в себя Дружков. — Я здесь прописан, живу и буду жить.

— Убирайтесь из квартиры, — не сдает позиций профессор.

— Да кто ты такой?! — вставая с дивана, неожиданно взрывается Дружков. — Ты понимаешь вообще, с кем разговариваешь? А?! Я — руководитель ПУКа, а ты кто? Профессоришка вшивый! Да я тебе сейчас морду набью, и мне ничегошеньки не будет. Ничегошеньки! У меня везде все схвачено! Понятно?

Дружков левой рукой хватает Семена Семеновича за горло, а правой замахивается для удара. Но ударить не успевает. В эту секунду доктор Арина Родионовна Бюргерталь с баночкой в руках бросается от шкафа к дивану и наваливается на Дружкова всем телом. С другой стороны дивана на Дружкова насадет профессор Симбирцев. В его руках белеет кусок ваты, смоченный хлороформом. Дружков затихает.

Через несколько минут Арина Родионовна и профессор Симбирцев уже в халатах. В руках Семен Семенович держит знакомый нам рентгеновский снимок. Часы в профессорском кабинете бьют одиннадцать раз.

* * *

В кабинете профессора Симбирцева висит тревожная тишина. В углу с ноутбуком в руках делает вид, что занята каким-то важным делом Арина Родионовна Бюргерталь. На ней вместо привычного медицинского халата элегантно светлое платье молодежного фасона, с большим декольте и смело обнаженной спиной. Золотистые густые волосы волнистыми струями распущены по плечам. Взгляд уверенный и дерзкий. У окна, крепко обхватив спинку стула кривыми пальцами с длинными острыми ноготками, нетерпеливо постукивает ножкой о паркет председатель ТСЖ Шпиндель. На нем ярко-красный пиджак с огромными зелеными пуговицами, широкий желтый галстук, синие, в полоску брюки. Неподалеку мнет руками пухлый портфель знакомый нам пациент с розовым лицом. Одет в серый, грубой шерсти костюм. На ногах черные, на толстой подошве ботинки. Жидкие пряди седых волос, обычно тщетно пытающиеся скрыть сияющую лысину, на этот раз, как два козлиных рога, торчат дыбом. Распахивается дверь, и в кабинете появляется облаченный в бархатный костюм благородно-стального цвета Семен Семенович Симбирцев. Отдохнувший, помолодевший, как прежде, властный и энергичный.

— Мне очень неприятно, профе-э-э-ссор, — первым нарушает молчание высокопоставленный пациент, — но у меня поручение от самого... — его указательный палец устремляется вверх, — я должен разобраться и в зависимости от результатов принять в отношении вас решение.

— Меня в чем-то подозревают, Валентин Юрьевич? — с удивленной улыбкой пожимает плечами профессор.

— Даже не знаю, что вам и сказать, — пациент вытягивает из портфеля и передает Шпинделю бумагу. — Я бе-бе-бе-бе-з очков. Зачитайте, сделайте одолжение.

Торжественно взяв в обе руки бумагу, Шпиндель не менее торжественно раскрывает рот, но издать звука не успевает. Доносится звонок с лестницы черного хода.

— Одну минуточку! — обращается к стоящему с открытым ртом Шпинделю профессор, затем переводит взгляд на Бюргерталь. — Арина Родионовна, откройте, если не затруднит. Сто лет никто с черного хода не звонил.

Доктор Бюргерталь откладывает в сторону ноутбук и покидает кабинет. Вскоре возвращается со знакомой нам телевизионной дамой. На даме розовое широкое пальто, розовая же вязаная шапочка с меховыми ушами. Маленькие пороссячи глазки обильно подкрашены. Увидев профессора и пациента, лицо дамы выражает крайнее изумление:

— Вы тоже здесь?

— А где же мне, любезная Вера Леонидовна, прикажете еще быть? — притворно изумляется Симбирцев.

— А я думала, что здесь живет Андрюня.

— Какой такой Андрюня? — вновь наигранно недоумевает профессор.

— В смысле, Андрей Малахович, — уточняет дама, — он украл у меня кошачью шубу и задушил любимого песца. Господи, что я говорю? Ну, конечно же, наоборот! В общем, сплошное свинство! Хрю-хрю.

— Вот-вот, — замахав, как крыльями, руками, мгновенно оживляется Шпиндель, — вот-вот-вот! Еще одна улика! Улика, улика! Все против вас, профессор, все против вас!

— Против меня, говорите? — ухмыляется профессор. — Интересно! Тогда уж поясните, в чем все-таки меня обвиняют? А то кофе совсем остыло.

Пациент с розовым лицом, как копытцем стукнув ножкой о паркет, кивает Шпинделю. Тот вновь торжественно берет в обе руки бумагу и столь же торжественно читает:

— «...Подозреваются Симбирцев С. С. и Бюргерталь А. Р. в убийстве руководителя комитета ПУК Дружкова А. М.».

— Ничего не понимаю, — вновь изумляется Симбирцев, — какого такого Дружкова? Ах, простите, наверное, вы имеете в виду моего пса, Дружка, которому мы с Бюргерталь делали операцию?

— Какого пса? — испуганно лепечет дама. — Хрю.

— Извините, профессор, — негодует Шпиндель, — но пес не может разговаривать. Значит, речь идет именно о человеке. А это, простите, две большие разницы, профессор! Большие такие разницы, разницы такие большие. На самом деле. Пиастры! На самом, самом, самом деле.

— Ну, разговаривать еще не значит быть человеком, — парирует профессор. — Попугаи тоже разговаривают!

— Попрошу без намеков, — подпрыгивает на одной ножке Шпиндель, — как бы попрошу. Попрошу! Попрошу к нашему шалашу.

— К шалашу как-нибудь в другой раз, — улыбается Симбирцев, — а сейчас важно иное: Дружок жив, здоров, и никто его не убивал.

— Профессор, — холодно изрекает важный пациент, — вы уж простите, но тогда его придется нам показать. Десятый день как человека не-е-е-т, а слухи, вы уж меня простите, очень даже паршивые.

— И пусть шубу вернет, — пищит дама, — песец, который... господи, что я говорю... хрю.

— Арина Родионовна, — обращается к коллеге профессор, — вас не затруднит позвать Дружка.

Доктор Бюргерталь ухмыльнулась и посвистела. Из двери на задних лапах выскочил странного вида пес с багровым шрамом на лбу. Его наполовину лысое тело покрывали куски отрастающей шерсти. Опустившись на четвереньки, пес задумчиво уставился на окружающих, затем вновь поднялся на задние лапы, улыбнулся и, похотливо подмигнув даме, уселся в кресло.

— Андрюня?! — визжит дама. — Хрю-хрю! Господи... — и тихо падает на пол.

— Ничего не понимаю, — зеленеет розовое лицо важного пациента, — как же он бе-е-е, бе-е-е, бе-без штанов руководил ПУК-пук-ом?

— Я, слава богу, ни к каким ПУКАм отношения не имею, — отрещивается Симбирцев. — Насколько мне известно, его господин Шпиндель туда рекомендовал.

— Скажите, это он? — растерянно спрашивает у Шпинделя важный пациент.

— С одной стороны, как бы он, — машет руками Шпиндель, — с другой стороны, как бы и не он. Он и не он. Не он и он. Здравствуйте!

— Но он же говорил! — вновь стучит ножкой по паркету важный пациент.

— Говорил, — соглашается Симбирцев, — и сейчас еще говорит, но только все меньше и меньше. Скоро совсем замолкнет.

— Почему замолкнет? Не понимаю!

— Наука, Валентин Юрьевич, еще не знает способа делать из зверей людей, — пожирает плечами Симбирцев, — потому что это противоестественно. Любая наука, а в первую очередь медицина, должна идти крайне осторожно и воедино с природой. А когда она нарушает этот закон и форсирует процесс, получаются вот такие Дружковы.

— А ему еще можно задать вопрос? Или он уже совсем ни бэ-э-э, ни мэ-э-э!

— Попробуйте, — разрешает профессор, — но надо спешить.

Важный пациент, громко цокая ботинками по паркету, подходит к псу:

— Простите... вы Дружков или, как бэ-э-э бэ-э-э, как бы э-э-то точнее сказать... Дружок?

— Дружок... собака... ру, — радостно информирует пациента пес, — козел старый!

— Не обращайтесь внимания, Валентин Юрьевич, — успокаивает резко обмякшего пациента Симбирцев, — просто он снова превращается в обычную уличную дворняжку. Тут уж ничего не поделаешь. Атавизм!

— Непристойные выражения при даме попросил бы в дальнейшем не употреблять, — строго заявляет пес. — Спасибо! Пожалуйста!

Вежливо раскланявшись, Дружок слезает с кресла, опускается на четвереньки и направляется в сторону лежащей без чувств дамы, мурлыча себе под нос: «Моя бабушка курит трубку...»

Важный пациент ускоренно бледнеет и, уронив на пол портфель, падает на левый бок рядышком с распростертой дамой.

— Копыта отбросили, отбросили копыта, копыта, — встав на одну ножку, машет руками довольный Шпиндель.

— Арина Родионовна, — командует профессор, — валокордина. На двоих. Это обморок.

— На троих, на троих, — кричит Шпиндель. — Попке тоже надо! Попка хороший. Попка очень хороший! На самом деле.

— А этого попку Шпинделя, — грозно засучивает рукава Бюргерталь, — я собственноручно скину с лестницы. Притом прямо сейчас и без всякого валокордина!

— Об этом мы поговорим на общем собрании ТСЖ, — крутя в разные стороны головой, орет Шпиндель, — на ТСЖ. Поговорим, поговорим! Попка дурак!

Помахав напоследок руками, Шпиндель падает вверх лапками на пол и затихает. Его всклокоченная голова с открытым, как клюв, ртом мирно покоится на пухлом животике важного пациента с бледно-розовым лицом.

* * *

— «Помнишь ли ты, как улыбалось нам...»

В мути старинного зеркала отражается блаженно развалившийся в кресле с чашечкой дымящегося кофе в руке профессор Семен Семенович Симбирцев. Рядом

в его ногах дремлет упитанный, с кудряшками рыжей шерсти и черными подпалинами, беспородный пес. Нелепый, добрый и стеснительный. Сытая зеленая муха, решив передохнуть после затяжных почетных кругов вдоль профессорского кабинета, совершает мягкую посадку на самый кончик влажного собачьего носа. Пес морщится, громко чихает и просыпается.

— «Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье...» — коверкает мотив Симбирцев, — ну что, с добрым утром, бедолага. Крепко же ты придавил. Никак не добудиться было. Тявкал во сне, скулил, брыкался. Даже, извини, воздух подпортил. Что-то, знать, снилось интересное да по-собачьи важное! Жаль, уже не расскажешь! Ладно, как там у нас пульс после сна. Соболаговолите-ка лапку.

Пес протягивает лапу, профессор цепко хватается ее двумя пальцами.

— Раз, два, три, четыре... прекрасный пульс. Что же, к вашему собачьему сердцу претензий нет! Молодец! Хороший пес! «Помнишь ли ты, как улыбалось нам счастье...» Честное слово, Дружок, ты мне таким больше нравишься. Честное слово, больше. «Помнишь ли ты...»

— И правда, сон какой-то странный снился, — морщит мохнатый лоб пес, — неправдоподобный! Полная чушь! А с другой стороны, отчего тогда башка вся исполосована и болит, как будто давит что-то изнутри? И что это за намеки: «уже не расскажешь», «таким больше нравишься», «помнишь ли ты»? Странно! Впрочем, странно, да и ладно! Главное, условия хорошие! Квартирка очень даже приличная. Район престижный. Тот же Эрмитаж неподалеку. Есть спутниковая тарелка на сто каналов. Качество HD. Ну и к чему тогда прошлое ворошить? Повезло мне, и весь разговор! Да, похоже, что в моей родословной без спаниеля не обошлось. Все-таки потаскуха была моя бабушка, царство ей небесное.

Радостно повиливает хвост. Растягиваются в ленивой зевоте все четыре лапы. Слышно протяжное собачье дыхание и довольное повизгивание, чем-то напоминающее «Трубку курит бабушка моя...».

В отдалении глухо пробили часы. Громко зажужжала муха. «Помнишь ли ты...» — тихий голос. Затем снова муха.